

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕПРЯМОЙ
КОММУНИКАЦИИ И ЕЕ ЖАНРОВ:
ВЗГЛЯД ИЗ 2013-го**

**ACTUAL PROBLEMS OF INDIRECT
COMMUNICATION AND ITS GENRES:
A VIEW FROM 2013**

Аннотация. Обсуждаются аспекты проблемы непрямо́й коммуникации в лингвистике последних десяти лет. В статье дается краткий обзор состояния современной лингвистики и места в ней проблематики непрямо́й коммуникации, представляются основные направления новейших исследований по данной проблеме, а также те типы и аспекты непрямо́й коммуникации, которые впервые становятся объектом внимания ученых.

Отдельно обсуждаются проблема непрямо́й коммуникации и лингвосомиотика; непрямо́я коммуникация и лексическая семантика; проблема непрямо́й коммуникации и когнитивная лингвистика; место проблематики непрямо́й коммуникации в парадигме дискурсивного анализа; проблемы непрямо́й коммуникации и современная социолингвистика; непрямо́я коммуникация и речевые жанры.

Ключевые слова: непрямо́я коммуникация, лингвосомиотика, лексическая семантика, когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, социолингвистика, речевые жанры.

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

Abstract. In the article the aspects of the problem of indirect communication in linguistics of the last ten years have been discussed. A brief overview of the state of modern linguistics and its place in the problems of indirect communication has been provided. The main directions of recent research on this issue have been presented, as well as the types and aspects of indirect communication that had not become the object of attention of linguists. Separately, the problem of indirect communication and linguosemiotics has been discussed, indirect communication and lexical semantics, the problem of indirect communication and cognitive linguistics, the role of indirect communication problems in the paradigm of discourse analysis, the problems of indirect communication and modern sociolinguistics; indirect communication and speech genres.

Key words: indirect communication, linguosemiotics, lexical semantics, cognitive linguistics, discourse analysis, sociolinguistics, speech genres.

The work was completed with financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the main part of state assignment in the sphere of scientific research under Assignment no. 2014/203, project code 1549.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University

Введение

10 лет прошло после выхода первого и на настоящий момент единственного выпуска сборника «Прямая и непрямо́я коммуникация» [1]. В сборник удалось собрать главных на тот момент специалистов по теории непрямо́й коммуникации (и «коммуникации просто»), таких корифеев как А. Вежбицкая, А. А. Залевская, В. И. Карасик, К. Ф. Седов, И. А. Стернин.

Не удивительно поэтому, что сборник стал довольно заметным событием в развитии соответствующей теории (это видно и по цитированию; наглядно показывает это любой интернет-поисковик), начиная со став-

ших с тех пор программными работ Анны Вежбицкой «Культурная обусловленность категорий “прямота” vs “непрямота”», Малгожаты Киты «Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка». В сборник вошли фундаментальные работы по теории непрямо́й коммуникации отечественных и зарубежных специалистов – профессоров Л. В. Балашовой (Саратов), И. Н. Борисовой (Екатеринбург), И. Т. Вепревой (Екатеринбург), Сабине Дённингхаус (Базель), В. И. Жельвиса (Ярославль), В. И. Карасика (Волгоград), А. В. Кравченко (Иркутск), В. П. Москвина (Волгоград), Б.Ю. Нормана (Минск), А. В. Олянича (Волгоград),

Н. В. Орловой (Омск), А. Г. Поспеловой (Санкт-Петербург), И. И. Прибыток (Саратов), К. Ф. Седова (Саратов), И. А. Стернина (Воронеж).

Сборник предваряла моя редакторская статья «Проблемы непрямого общения», в которой я, с одной стороны, давал обзор основных работ и направлений теории НК, пытался систематизировать основные проблемы, решаемые в этой предметной области (в основном эти данные приводились по моей докторской диссертации «Основы теории непрямого общения», которую я защитил незадолго до выхода сборника [2]). С другой стороны, представлялись работы, вошедшие в сборник, – их разнообразие и «трендовость», т.е. соответствие первому аспекту, уже тогда, конечно, были вполне очевидны.

Сегодня, перечитывая те работы, которые вошли в сборник 2003 г., и те работы, из которых составилась основная система теоретических представлений в моей диссертации, и – особенно – те новые работы, которые появились уже после, я убеждаюсь, что был прав тогда, говоря:

«...большинство авторов <...> (как российских, так и из «ближнего и дальнего зарубежья»), которые представляют очень разные исследовательские направления и школы, привлекают положения разных смежных наук и пользуются разной терминологией), понимает изучение непрямого общения как одно из наиболее актуальных направлений языкознания» [1 : 6].

Я выделял ряд аспектов НК, которые считал наиболее актуальными, а подтверждение находил в том, что соответствующая проблематика частотно и подробно была представлена в статьях, вошедших в сборник.

Так, в 2003 г. было уже очевидно, что к НК в той или иной степени тяготело большинство новых разрабатываемых **коммуникативных моделей**, необходимость которых – на смену устаревшей кодовой модели – диктовалась самой жизнью (ряд таких моделей обсуждался в статьях А. А. Залевской и А. В. Кравченко).

Сюда я относил, например, различные аспекты **планируемой** непрямого общения: проблема непристойности (В. И. Жельвис), социолингвистические и психолингвистические факторы порождения и интерпретации НК (И. Н. Борисова), не прямое сообщение (С. Дённингхаус), не прямое воздействие (А. Ю. Беляева, А. В. Олянич, К. Ф. Седов, А. Г. Поспелова и Е. Н. Шустрова), не прямое общение (С. Н. Плотникова).

Подчеркивалась (вслед за А. Вежицкой, чья статья вошла в сборник) важность **культурологического** аспекта НК, особенно в сопоставительном

плане: за использованием тех или иных форм в разных культурах могут стоять разные принципы общения и ценности, например, те смыслы, которые считается недопустимым выражать прямо в одной культуре, вполне допустимо выражать в другой, и, наоборот, те смыслы, которые обязательно должны быть выражены в речи для нормального протекания коммуникации в рамках одной культуры, могут быть несущественными в другой.

Наконец, актуальной проблемой теории НК была (и есть) языковая игра, эстетическая коммуникация, **креативная** функция языка в целом (статьи Е. В. Ермаковой, В. П. Москвина, Б. Ю. Нормана).

Кстати, фактически те же самые тенденции были подмечены в рецензии на сборник, написанной В. И. Шаховским и С. В. Ионовой вскоре после его выхода [3]:

Авторы рецензии считают, что изучение понятия «*непрямая коммуникация*», «стремительно вошедшего в лингвистический обиход» [3 : 373], – «перспективное направление исследования не только речи, но и языка, оно является теоретически значимым и практически необходимым, поскольку это лингвистика человека с его эмоциями, пристрастиями, ошибками» [3 : 381-382]. Значение и причину актуализации и разработки теории непрямого общения авторы видят (вслед за А. А. Залевской) в самой логике развития современной лингвистической науки, в которой язык выступает в качестве действенного инструмента познания и коммуникации для реального (живого) индивида [3 : 375].

В. И. Шаховский и С. В. Ионина дают высокую оценку сборнику в целом, общетеоретическим и частным статьям, в него вошедшим (хотя отмечают «несколько искусственную рубрику сборника в силу довольно большого многообразия (разброса) тем включенных в него статей» [3 : 373]).

Сегодня, через 10 лет после выхода сборника, проблема непрямого общения по-прежнему остается актуальной в лингвистике¹, хотя в чем-то она решается прежними методами (в том числе отраженными в сборнике 2003 г.), а в чем-то – естественно – по-другому.

Как и 10 лет назад, главная теоретическая проблема связана с крайней обширностью и неоднородностью поля НК, с неочевидностью полезности и даже возможности общего для всех явлений / участков такого поля определения НК.

Соответственно исследования последних 10 лет либо пользуются таким определением НК и рассматривают отдельные явления как частные случаи общего поля НК, либо не

¹ Это хорошо видно, например, по количеству работ (в том числе диссертаций), непосредственно

пользуются таким определением – и рассматривают отдельные косвенные речевые акты, намеки, манипуляции и т.д. вне данного общего поля.

Так, если идти от дискурса и его прагматики (что как будто бы наиболее естественно при изучении коммуникации), на «звание номер один» в этом поле претендуют *косвенные речевые акты* – но еще *манипуляция*, и *ирония*, и *эвфемизмы*, и *флирт*... Понятно, что перечислять придется долго, и рано или поздно в этом поле окажется вся *имплицитность*, рано или поздно, но неизбежно – *шутки* и *юмор* в целом (а их одних бы хватило на чрезвычайно обширную и солидную «теорию НК!»), а еще – художественное творчество и художественная коммуникация (т.е. *тропы*, *образы* и т.д. – и далеко не только это). Наконец, рано или поздно в рассмотрение теории НК придется включить и *метафору* – и мысль эта лично меня, например, просто пугает... ибо является верным признаком «заглядывания в бездну».

посвященных не прямой коммуникации. Сами за себя говорят уже названия работ: см. **диссертации**: «Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе» Э. В. Булатовой [4], «Аргументация в контексте не прямой коммуникации (на материале английского языка)» Т. В. Федоровой [5], «Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков)» А. П. Марюхина [6], «Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения» Л. Н. Саакяна [7], «Речевая агрессия в не прямой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы)» Э. Э. Паремущавили [8]; ср. также **статьи**: «Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса» М. М. Филипповой [9], «Телевизионный дискурс в аспекте теории прямой и не прямой коммуникации» Е. Г. Григорьевой [10], «Национально-культурная и индивидуально-личностная специфика не прямой коммуникации» Л. А. Козловой [11], «Митигативные стратегии в не прямой коммуникации» С. С. Тахтаровой [12], «Непрямые (косвенные) реализации интенции отказа в речевом общении русских с позиций речевого этикета» Т. В. Несеровой [13], «Непрямое информирование в современных СМИ» Н. И. Клушиной [14], «Непрямая коммуникация в межкультурных контактах» Т. М. Гуревич [15], «Фасцинативная составляющая в не прямой коммуникации» Е. В. Омельченко [16] и мн. др. – и это только те работы, где прямо в названии использовано слово *непрямой/косвенный*; перечислить же все, где изучается или обсуждается данный феномен, аспекты соответствующей теории и методики, попросту невозможно: это, без преувеличения, сотни работ за 10 лет.

Главное, чтобы признать, что это не только «родственные типы», но еще и важное и глобальное лингвистическое явление, нужна ясность – а до непротиворечивой системы в теории и практике еще очень далеко. Да и как бы могла выглядеть такая теория? Язык (а еще больше – речь) ведь изначально является чрезвычайно «неподатливым материалом» для любых претендующих на стройность моделей (этим отличались, как известно, прежде всего, системно-структурные модели, но и сегодня таких появляется совсем не мало). Первое логическое противоречие обнаруживается сразу же, как только мы пытаемся объяснить НК через связь с языком, из простейшей посылки: обычный человек, носитель естественного человеческого языка, может сказать нечто прямо, а может – непрямо. Этот, по сути, трюизм с неизбежностью имеет два прямо противоположных следствия, касающихся «прямоты» и «непрямоты» как коммуникативных, так и языковых средств: а) всё, что есть в языке, – прямо, всё остальное – непрямо; б) в самом языке есть и прямое, и не прямое. Это противоречие обнаружили много веков назад (ср. «Критику языка» в средневековье) и, конечно, много раз пытались объяснить, «втиснуть» в какую-нибудь концепцию (иногда очень интересную и полезную): *актуализация* ⇒ *вариативность* (Ш. Балли), *смысл* ≠ *значению* (Г. Фреге, К. Бюлер), *асимметрия языка* (С. Карцевский), *семантическая* (Э. Бенвенист), *политропия* (П. Фридрих), *полиморфизм* (В. В. Налимов), *фасцинация* (Ю. В. Кнорозов), *неформализованность* (А. Соломоник)...

Продолжают появляться – при анализе речи разных типов – вопросы наподобие: «Это – скрытое...?» (что?), «Это – намек?» (на что?), «С какой целью это говорится косвенно?», а также – несколько более терминологично – «Это косвенный речевой акт? / косвенный речевой жанр?» (и какой тогда по отношению к нему прямой?) и т.д.

Раньше, как мы хорошо помним, эти вопросы относились к наиболее острому, принципиальному, а также частотному в теории не прямой коммуникации – сегодня же они звучат несколько не менее остро, принципиально и т.д., а также (увы) не менее часто, чем раньше. Проблема, как и прежде, в том, что лингвистически, семиотически, семантически и т.д. корректных методов, позволяющих абсолютно уверенно дать точные ответы на эти вопросы, кажется, не сильно при-

бавилось. (Нельзя, конечно, сказать, что совсем не прибавилось – см. ниже.)

Наиболее же сакраментальный (и наиболее частотный) вопрос: «*Что этим хотели сказать?*» вообще представляется «вечным как сам человек».

В то же время (и люди – и лингвисты, и нелингвисты – это прекрасно понимают... или, так сказать, *чувствуют*) общее явно есть и между косвенными РА (типа *Не могли бы вы открыть окно?*), и намеками, и шутками, и художественными образами... и, например, выражениями типа *ходить вокруг да около / говорить напрямому*: это общее в том, что все названные явления входят в бинарные оппозиции, очень напоминающие оппозицию «прямо ~ непрямо». С другой стороны, этого общего у названных явлений гораздо меньше (или почти нет) с такими базовыми в других лингвистических концепциях оппозициями, как: письменный / устный, вербальный / невербальный, индивидуальный / массовый...

Подчеркнем: за 10 лет сама лингвистика стала несколько иной и несколько по-иному решает проблему «непрямоты» (непрямой коммуникации), каковая проблема, как уже было сказано, продолжает оставаться актуальной, причем (несколько забегаая вперед) фактически во всех новых направлениях лингвистики. Нам представляется, что сегодня лингвистика в целом б о л е е готова к решению проблемы непрямо́й коммуникации – и решает ее л у ч ш е, чем 10 лет назад. Это мы тоже попытаемся и показать, и доказать.

Соответственно настоящая статья преследует две цели: во-первых, показать, в чем современная теория непрямо́й коммуникации была уточнена и модифицирована за эти 10 лет (будет дан краткий обзор состояния современной лингвистики и места в ней проблематики НК), во-вторых, представить основные направления новейших исследований по данной проблеме – особенно новые направления, которых 10 лет назад просто не существовало, а также те отдельные типы, разновидности и аспекты непрямо́й коммуникации, которые раньше не становились объектом внимания ученых².

1. Проблема непрямо́й коммуникации и лингвосемиотика

Как уже было сказано, базовые семиотические положения теории непрямо́й коммуникации 10 лет назад включали:

- общее **определение НК**, имеющее отчетливый знаково-семиотический характер (с о д е р ж а т е л ь н о о с л о ж н е н н а я к о м м у н и к а ц и я , в к о т о -

р о й п о н и м а н и е в ы с к а з ы в а н и я в к л ю ч а е т с м ы с л ы , н е с о д е р ж а щ и е с я в с о б с т в е н н о в ы с к а з ы в а н и и , и т р е б у е т д о п о л н и т е л ь н ы х и н т е р п р е т а т и в н ы х у с и л и й с о с т о р о н ы а д р е с а т а) ;

- **модель НК**, включающую два аспекта (прочтение высказывания в НК определяется условиями ситуации общения; обязательным свойством НК является креативность).

² Хотя в этой статье приводится в основном обзор отечественных работ, перечисляемые здесь проблемы НК в современной лингвистике имеют м и р о в о й масштаб, а не внутророссийский (т.е. локальный). Так, в современной западной дискурсивной, коммуникативной, когнитивной и т.д. лингвистике актуальными являются проблемы коммуникативных неудач, обусловленных НК: ищутся способы устранения непонимания [17–20], повышения эффективности коммуникации [21], в том числе интенсивный мониторинг адресата для лучшего понимания [22], более активная интерпретация [23–25], попытки адресата избежать влияния [26], избегание двусмысленности и неопределенности [27 ; 28]. Наконец, следует подчеркнуть круг проблем, непосредственно касающихся базовых свойств НК (с использованием термина *непрямая коммуникация* или без него): прочтение анекдотических и др. «непрямых» ситуаций [29 ; 19 ; 25], в том числе фатических типа *small talk* [30]; изучается их обусловленность языком [31].

Следует подчеркнуть, что отечественная и западная традиции изучения непрямо́й коммуникации / косвенности совпадают в главном: определяющим считается наличие смыслов, которые выводятся не из буквального значения слов и синтаксических правил в высказывании, а откуда-то еще. Это «откуда-то еще» охватывает, как отчасти будет показано в параграфах этой статьи, чрезвычайно широкий диапазон явлений самой разной семиотической природы. В отечественной традиции изучения непрямо́й коммуникации эта разнородность и обширность поля НК постоянно подчеркивается. Тогда как в западной традиции косвенность обычно связывается с более ограниченным кругом явлений, и прежде всего – интертекстуальностью. А именно: знание, память говорящего о том, что его высказыванию предшествовали чьи-то другие, похожие на него или нет, но обязательно каким-то образом с ним связанные, заставляет говорящего и слушающего в чем-то иначе интерпретировать это высказывание, а в чем-то – и иначе строить (например, какую-то часть, которую помнят из этих чужих предшествующих высказываний, можно просто опустить). Эта традиция хорошо представлена в статье Деборы Таннен, перевод которой вошел в этот номер журнала.

Видимо, есть смысл напомнить, как «действуют» на конкретном материале эти два аспекта модели НК, а также определение НК, поскольку данные положения, вообще говоря, составляли (и составляют) основу теории НК. Рассмотрим три примера, которые мне с этой точки зрения представлялись и представляются наиболее яркими и убедительными.

(1) *Не получаем зарплату с августа 1996!* (лозунг, Екатеринбург, 1998).

Данный текст является ярким примером НК: во-первых, его интерпретация как лозунга невозможна вне контекста конкретной ситуации – демонстрации протеста. Невозможно представить данный лозунг в качестве настенного украшения на предприятии – например, в том месте, где в советское время было принято вывешивать изображение Ленина (если он появится там, демонстрация протеста автоматически распространится на предприятие). В то же время текст *Не получаем зарплату с августа 1996!* можно представить в другой ситуации даже в качестве лозунга, но уже с совершенно другим коммуникативным содержанием: например, люди принимают обязательство прожить сколько-то лет без зарплаты и рапортуют о своих достижениях. Таким образом, текст лозунга семантически неполнозначен. Во-вторых, лозунг передает целый ряд коммуникативных смыслов одновременно. Текст *Не получаем зарплату с августа 1996!* объясняется причина того, почему люди вышли на демонстрацию протеста. Но для данной цели, собственно говоря, не нужен текст столь определенного содержания: теперь уже контекст ситуации демонстрации протеста наполнил бы вполне определенным смыслом и гораздо более простое и неопределенное коммуникативное действие (например, демонстративное выворачивание пустых карманов. Как известно, в 30-е гг. прошлого века на демонстрациях протеста американские домохозяйки били в пустые кастрюли; сейчас подобное регулярно делают греческие, испанские и т.д. домохозяйки). Подобные действия передают коммуникативные смыслы, но смыслы неопределенные: можно понять, что в домах кастрюли пустые, следовательно, людям нечего есть, следовательно, они требуют повысить зарплату; но при этом неясно, например, как долго кастрюли пусты. Текст *Не получаем зарплату с августа 1996!*, с одной стороны, является сообщением, при этом не только по форме, но и по содержанию, давая исчерпывающую информацию «как долго». Два важнейших содержательных компонента лозунга – волеизъявление и оценка – выражены имплицитно через констатацию факта социального неблагополучия (см.: [32]). С другой стороны, лозунг наполняется смыслом только в контексте ситуации демонстрации, то есть текст его, будучи коммуникативно точным, одновременно семантически неполнозначен. Лозунг является одновременно языковым сообщением и «знаменем» в борьбе. В этом продуцировании двух смыслов одновременно и состоит главная особенность

данного лозунга как НК. Чтобы понять, какие интерпретативные механизмы задействованы при прочтении нескольких смыслов, транслируемых одновременно, семиотическую модель НК удобно обозначить как *д и а д у* – в примере (1) это диада «сообщение ~ лозунг».

(2) *Пчела за данью полевой летит из кельи восковой...* (А. Пушкин).

Как и в предыдущем примере, интерпретативная деятельность адресата данного высказывания (читателя художественного текста) имеет многоступенчатый характер. Понимание смысла тропа отталкивается от стандартных значений лексем, но в сознании читателя действует некий механизм, позволяющий «добавлять» смыслы к буквальному содержанию высказывания. В другой ситуации этот механизм «отключен», поэтому, встретив выражения *полевая дань* и *восковая келья* не в поэтической речи, человек скорее всего будет обескуражен (представим себе разговор на рынке с продавцом мёда). В целом восприятие текста *Пчела за данью полевой летит из кельи восковой* в значительной степени зависит от актуальной конфигурации элементов сознания адресата. Эта цитата может натолкнуть его на очень разные мысли, чувства, ассоциации, предположения. Диаду, лежащую в основе НК (2), трудно точно определить. (С такими затруднениями хорошо знакомы исследователи художественной речи.) Могут быть предложены варианты типа: «эпитет ~ троп» или: «значения лексем и граммем ~ фасцинация (художественный смысл)».

Важно подчеркнуть, что содержательная сложность, дополнительный шаг интерпретации адресата не делают НК прерогативой «сложных» сфер общения. Ср. третий пример:

(3) *(СОСЕДКИ ПО ДОМУ А. И Б. ВСТРЕЧАЮТСЯ НА УЛИЦЕ)*

А. *Здрасьте / что там в овощном?*

Б. *Ничё нету //*

А. *Совсем?*

Б. *Токо картошка //*

А. *Молодая?*

Б. *Нет / старая // А больше ничего //*

А. *Ну пойду посмотрю //* [33 : 358-359].

Мы относим этот диалог к НК на следующих основаниях: наличие смысловых лакун в тексте разговора, неточность передаваемой информации, непредсказуемость реакций, неопределенность коммуникативных намерений говорящих. Невозможно сказать, означает ли последняя реплика А. *Ну пойду посмотрю* то, что А. осталась неудовлетворена ответом Б. и хочет получить более точную информацию (тогда действительно лучше *пойти посмотреть* самой), или же А. хочет сообщить, что отправляется *посмотреть* старую картошку (что маловероятно). Но какого удовлетворительного ответа могла ожидать А. на свой вопрос *Что там в овощном?* Складывается впечатление, что А. вообще не ждет ответа как такового. Точно такая же реплика *Ну пойду посмотрю* скорее всего была бы произнесена ею и в случае исчерпывающе подробного рассказа

Б. о том, что там в овощном (тогда она была бы даже более уместна, чем после лаконичного *Ничё нету // токо картошка*). Кроме того, заключительная реплика несет мета-коммуникативную, регулятивную нагрузку, и ее следует интерпретировать прежде всего как речевой ход, замыкающий интеракцию и закрывающий тему диалога.

Диада, лежащая в основе НК (3), может быть определена как: «запрос информации ~ потребность в другой информации, чем та, которая может быть передана в рамках данной коммуникативной ситуации»;

- **классификацию НК**, где основные типы выделялись тоже на семиотических основаниях – степень конвенциональности базовых диад (от ядерных предложений до нетипизируемой даже жанрово коммуникации);

- **сравнительное** изучение языковых единиц и структур (неизосемических), имеющих разную степень конвенциональности; а также сравнительное изучение разных языков с точки зрения того, какие разны е участки в них подвергаются грамматикализации.

Континуум коммуникативных смыслов, в которые вступает человек в своей жизни, по-разному концептуализируется в каждом национальном языке. То, что в одних языках прерогатива непрямого общения, в других может выражаться специализированными грамматическими категориями. Ср., например, категорию *указательности* (в степени дробности выражения указания на место, пространственно-временное отношение и т.д.) [34 : 79]; категорию *рода* [35]. (Данная категория порождает в языках, знающих грамматический род, большие возможности для выражения экспрессии. Известны многие несоответствия при переводах. Иногда порождаются смыслы, каких не было в оригинале, например, в басне И. А. Крылова о стрекозе и муравье, представляющей собой переложение басни Лафонтена о кузнечике и муравье. Во французском языке существительные *sauterelle* 'кузнечик' и *fourmi* 'муравей' одного рода (женского), в русском же языке *стрекоза* женского рода, *муравей* – мужского. В результате в русском варианте, помимо основного смысла: справедливое возмездие за праздность и паразитизм, – продуцируется новый смысл: жадный и злой мужчина отказывает в помощи голодной и озябшей женщине (трудно сказать, видел ли сам И. А. Крылов этот новый смысл). Очень интересна история переложения на русский язык стихотворения Г. Гейне о северной сосне и пальме. В оригинале присутствовал смысл любви между мужчиной и женщиной: *ein Fichtenbaum* (существительное мужского рода) и *eine Palme* (существительное женского рода). Сохранить этот смысл в русском переводе было очень легко: для этого нужно было, чтобы «сосне» подлинника соответствовало название дерева мужского рода. Так сделали Ф. И. Тютчев (лирические герои *кедр* и

пальма), А. Н. Майков (*кедр* и *пальма*) и А. А. Фет (*дуб* и *пальма*). Напротив, у М. Ю. Лермонтова («*На севере диком стоит одиноко...*») нет противопоставления по роду: *сосна* (существительное женского рода) видит во сне *пальму* (тоже женского рода). М. Ю. Лермонтов, несомненно, сознательно элиминировал первоначальный сексуальный смысл, тем самым в его стихотворении выражен только мотив одиночества.)

Все эти проблемы продолжают оставаться актуальными сегодня. В этом отношении показательно современное развитие некоторых семиотических теорий, чьи положения были принципиальны для теории непрямого общения 10 лет назад.

Так, израильский философ, семиотик и лингвист Абрам Соломоник, идеи которого во многом легли в основу теории НК, разрабатываемой в моей докторской диссертации 2001 г., с тех пор написал более десятка монографий по семиотическим, знаковым проблемам коммуникации, которые были изданы в форме «бумажных» книг или выставлены в сети Интернет (в 2001 г. «широкий читатель», включая меня, был знаком только с одной его книгой – «Семиотика и лингвистика»). В данных работах его версия семиотики развивается и апробируется на частных ответвлениях в лингвистике, педагогике, рекламе, картографии. Интересующиеся могут ознакомиться с авторским сайтом А. Соломоника: <http://nounivers.narod.ru/pub/opsol.htm>, где представлены и его книги (прежде всего обобщающая и последняя на данный момент монография «Теория общей семиотики»), и библиография по проблеме, а также архив чужих статей, поднимающих эти и смежные вопросы³.

Очевидно, что всё это были и есть не только чрезвычайно важные, но и сложные вопросы, ответы на которые 10 лет назад были даны только предварительные, а ряд сложностей и противоречий так и не получили удовлетворительного решения.

Например, коммуникация, выраженная ядерным предложением типа *Мальчик бежит*, отличается по интерпретативной активности адресата от коммуникации, выраженной эллиптическим предложением или тропом, неконвенциональным или невербальным высказыванием. Коммуникация, выраженная ядерным предложением, в большей степени опирается на смыслы, выраженные лексикой и грамматикой языка (значения). Однако возможны случаи, когда коммуникация, выраженная ядерным предложением *Мальчик бежит*, требует

³ На этом сайте я, например, с приятным удивлением обнаружил и свою статью «Прямая и непрямо коммуникация в онтогенезе»: http://nounivers.narod.ru/pub/as_qs12.htm.

больших интерпретативных усилий, чем эллиптическая (высказывание *Мальчик бежит* может быть сообщением о спортивном беге, беге от опасности, о встрече).

На мой взгляд, настоящим теоретическим «прорывом» в этой семиотической сфере была фундаментальная работа В. И. Карасика «Лингвoseмиотическое моделирование ценностей» по наиболее общим и одновременно актуальным в современной научной парадигме проблемам семиотики, коммуникации, лингвокультурологии и ценностной языковой картины мира [36].

Исследователь обосновывает необходимость учета в современной семиотической интерпретации коммуникации и текста субъектов коммуникации и воздействия (шире – эффекта). Вслед за Н. Л. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдером [37] В. И. Карасик подчеркивает, что информация в тексте вообще может восприниматься, только если адресат в этом тексте находит для себя фасцинацию, при этом возникает новый тип фасциации: к аттрактивности исходного текста добавляется индуцированная фасцинация, возникающая в сознании адресата. Как видим, речь идет о творческом участии адресата в осмыслении информации. При этом очень важно, что в непрямой коммуникации фасцинация сообщения становится более значимой, это прослеживается, в частности, в майевтических диалогах Сократа, в ходе которых адресат из ученика превращается в сотворца.

Очень интересна «семиотическая схема содержания дискурса», которую предлагает В. И. Карасик с позиций интерпретативной лингвокультурологии:

По признаку прямого / непрямого выражения информации все тексты в единстве со своими контекстами могут быть разбиты на два соответствующих смысловых класса. **Прямое** выражение информации распадается на ряд разновидностей, среди которых можно выделить **симпрактическое** сообщение («*По пути домой купи хлеб*»), **эмотивное** высказывание («*Вот это да!*»), **комментарий** («*Я сразу не ответил на звонок – батарейка села*»)... Возможны ситуации, в которых эти высказывания будут восприняты как пароль или как-то иначе, но достаточно часто подобные фразы воспринимаются в их буквальном смысле, не требующем поиска скрытого содержания. **Непрямое** выражение информации, в свою очередь, представлено тремя типами смыслов – эмблематическим, аллегорическим и символическим.

Эмблематическое восприятие сообщения – это идентификация отправителя речи или коммуникативной ситуации. Можно установить следующие разновидности эмблематического смысла: **ориентационный** (оценка ситуации по ее соответствию ожидаемому положению дел – «*Пожа-*

луйста, предъявите билет»), **статусный** (определение соотношения участников общения по их социальному статусу – «*Разрешите обратиться*»), **парольный** (переключение в режим общения с новым, недоступным для посторонних означиванием коммуникативной ситуации – «*Над всей Испанией безоблачное небо*»). Эмблематический смысл воспринимается как помимовольно, так и намеренно и является важным компонентом фатического общения.

Аллегорический смысл представляет собой рационально выводимое содержание сообщения и по своим основным функциям проявляется в следующих разновидностях: **дидактической** («*Скрипучая дверь долго висит*»), **эвфемистической** («*Его сегодня с нами нет*»), **орнаментальной** («*Что ж бунтуете, молодой человек? Перед вами же – стена! – Стена, да гнилая. Ткни – и развалится*»). Специфика аллегорического смысла состоит в единственно возможной интерпретации исходного высказывания, поэтому он часто актуализируется в педагогическом, религиозном или политическом дискурсе.

Символический смысл отличается своей принципиальной неисчерпаемостью, символическое высказывание допускает множество толкований, причем каждый участник общения открывает новые глубины в символическом тексте при каждом новом обращении к нему. Можно выделить три типа символических смыслов: **эмпатический** (эмпатия – гр. «вчувствование»), моментально соединяющий картины миров участников общения благодаря мощной фасциации текста (*М. Ю. Лермонтов, «Выхожу один я на дорогу...»*), **эйдетический** (эйдос – гр. «образ»), захватывающий яркостью и значимостью используемых образов (*А. П. Цветков, «тому кто лишь в воздухе дрожь или соль в золе / неважно уже как живут на его земле / ни снежное над головой шевеленье пихт / ни белое по голубому ристанье яхт*»), **энигматический** (энигма – гр. «загадка»), очаровывающий парадоксальной многозначностью (*А. А. Тарковский, «Я по каменной книге учу вневременный язык. / Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти, / И уже я по горло в двухмерную плоскость проник, / Мне хребет размолот на мельнице жизни и смерти*») [36].

Нельзя не согласиться с В. И. Карасиком в оценке важности при семиотической интерпретации коммуникации и текста субъекта и воздействия. Как известно, лингвисты всегда стремились изучить эффект, к которому стремится каждый оратор, политик, художник (и не только): чтобы что-то «задело» адресата. Этим давно и успешно занимаются практики: имиджмейкеры, копирайтеры... С другой стороны, для «адресата с запросами» привычен поиск: как мне сделать (какие тексты читать, искать), чтобы «задело» – меня? (выражаясь в терминологии В.И. Карасика, как достичь «состояния шарма»?).

2. Непрямая коммуникация и лексическая семантика

Выделение данного аспекта изучения НК закономерно, учитывая, что сами номинации *прямой / непрямой* представляют собой **метафоры** (как и тоже выражающие идею «прямоты» дериваты типа: *говорить прямо, напрямую, напрямик и напрямому, прямодушные* и т.д.) – как и многие другие применительно к коммуникации: *открытый / закрытый, глубокий / поверхностный, тёплый / холодный, мягкий / жёсткий, сладкий / горький, гладкий / корявый, чистый / грязный* (напр., *чистая правда* и *грязная ложь*), *ясный / тёмный, прозрачный / мутный*...

С другой стороны, естественно, метафорические номинации *прямой / непрямой (косвенный)* касаются далеко не только коммуникации – ср. (данные простого интернет-поиска): *прямой и косвенный умысел* (юр.), *прямое и косвенное доказательство* (юр.), *прямой и косвенный ущерб* (юр.), *прямые и косвенные налоги* (юр.), *прямые и косвенные расходы производства* (юр.), *прямые и косвенные затраты предприятия* (юр.), *прямой и косвенный методы анализа движения денежных средств* (юр.), *прямое и косвенное прикосновение* (электротехн.), *прямой и косвенный метод приготовления* (кулинар.), *прямой и непрямой контроль* (общенауч. и администр.), *прямое и непрямое позлезародышное развитие* (биол.), *прямое и непрямое действие радиации* (биол., мед.), *прямая и непрямая калориметрия* (биол., мед.), *прямой и непрямой массаж сердца* (мед.), *прямой и непрямой билирубин* (мед.), *прямой и непрямой метод иммунофлюоресценции* (мед.) и т.д. (Возможно, заслуживает внимания тот факт, что лексема *непрямой* чаще встречается в терминах биологии, медицины, тогда как *косвенный* – юридических и технических, однако это, конечно, только предварительные наблюдения.)

Так, *открытость ~ закрытость* – одна из базовых характеристик, применимых к языку и речи/коммуникации (по крайней мере, в европейской традиции) и одновременно – одна из универсальных метафор. Изначально обозначалась доступность наблюдению и – несколько более опосредованно – рефлексии (как и в случае с *прямой ~ непрямой (косвенный)*), естественно использование метафор в других областях, например в медицине: *открытая рана, открытый перелом*, в науке или учебе: *открытый вопрос, открытая проблема*, в литературе: *открытый финал*), при этом важно, что при перенесении на «более психические» сферы, такие как характер человека или коммуникация, последние выступают как объект. Так, при перенесении на человека актуализируется то, что он дает возможность проделывать с собой такую менталь-

ную операцию; как объект наблюдения, рефлексии и оценки выступает и *речь*.

В целом в русской культуре *открытость* как характеристика человека или коммуникации несет положительную оценку в силу тех национально-культурных сценариев, которые выявляются, например, в [38; 39] (это отражает и частичная синонимия однозначно положительных характеристик: *открытый ~ откровенный ~ искренний ~ честный*), хотя есть и метафоры *открытости* с отрицательной оценкой: *распоясаться, разганизаться*... *Закрытость* же (ср. *замкнутость, застегнутость на все пуговицы* – скорее временные характеристики: состояние сознательной установки или стресса) – менее распространенная и в то же время менее четкая, менее определенная характеристика. С одной стороны, в силу тех же национально-культурных сценариев *закрытость* скорее отрицательная характеристика, с другой – универсальное социальное благо, ибо, препятствуя самовыражению личности, она сохраняет целостность личности.

Здесь, с одной стороны, изучение **номинаций** НК продолжает ту традицию, которая была довольно давно заложена в лингвистике, где некоторые явления рассматривались как основные / прямые, соответственно другие явления – как косвенные / непрямые. Так, в лексике противопоставляются прямые и переносные значения, в морфологии – прямой (прямые) и косвенные падежи, в синтаксисе – прямое и косвенные дополнения (и то и другое, вероятно, идет еще от индоевропейистики, где соответствующие понятия выводились, прежде всего, из особенностей санскрита), прямая и косвенная речь, в прагматике – прямые и косвенные речевые акты, в риторике – непрямая ≈ передаваемая не лично информация / коммуникация (ср. международный сборник статей «Direct and Indirect Speech», который вышел в Берлине в 1986 г.).

С другой стороны – данный аспект вписывается в общее **метаязыковое** изучение речевой коммуникации в лингвистике (как часть реализации общей метаязыковой / метакоммуникативной функции языка).

Среди наиболее значительных работ, развивающих данное направление, должна быть названа коллективная монография «Язык о языке» под ред. и с вступительной статьей Н. Д. Арутюновой, авторы которой исходят из того, что «естественная лингвистика – это нерелефлирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека» [40 : 7]. Кроме того, «извлечение» из языка различных типов информации

о языке и правилах его речевого использования является приоритетной задачей широко известного цикла изданий «Логический анализ языка», также под ред. и обычно с вступительными статьями Н. Д. Арутюновой.

Пожалуй, наиболее полно этот номинативный аспект представлен в цикле работ Л. В. Балашовой [41–43]. Показательно, что цикл открывается статьей «Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка», вошедшей в сборник «Прямая и непрямая коммуникация» 2003 г.

Целый ряд наблюдений Л. В. Балашовой касается не прямой коммуникации :

- оценка НК в русском языке амбивалентна, но преобладающей является отрицательная оценка;

- отражение непланируемой не прямой коммуникации представлено слабо и в основном сводится к неумению говорить вообще («молчальники») или неумению говорить членораздельно («каша во рту»): ср.: *говорить – беда, а молчать – другая; замолчал, как будто кислым залило; замолчал, как с пахтанья; не доищется слова; кланяться горазд, а говорить не умеет*, причем наиболее регулярно идиомы этого типа создаются за счет сопоставления человека с определенным видом животного (ср.: *разговорчив, как устрица; нем, как безголовая рыба; беседлив, как тюлень*) [41];

- человек излишне откровенный подвергает себя опасности, поскольку может «выболтать» нежелательную информацию о себе (ср.: *вешать сопли, шелестеть* ‘говорить лишнее’, *выпустить пар из рта* ‘случайно проговориться’, *рыгун* ‘человек, не умеющий хранить информацию’);

- планируемая не прямая коммуникация связывается или с **ложью** (ср.: «нередко сама оценка степени достоверности отступает на второй план, а на первый выходит неприятие не прямой формы коммуникации, когда обвиняемый, дискредитируемый не может ответить, оправдаться (*доводчику первый кнут; доказчику первый кнут*). Характерно, что внутренняя форма фразеологизмов со значением ‘обманывать, намеренно вводить в заблуждение’ регулярно включает указание на не прямые формы коммуникации – шаманство, детские игры, азартные игры – или именуется действия, направленные на то, чтобы лишить собеседника возможности видеть (ср.: *заговаривать зубы; вешать собак; играть в прятки; играть в жмурки; играть в кошки-мышки; втирать очки; пускать пыль в глаза; морочить голову*);

- или с формально изоцированными типами и жанрами коммуникации **вторичных (книжных, официальных) сфер** : «в сознании носителей сленга те книжные жанры, которые связаны с активным воздействием на сознание слушателей, читателей, обычно вызывают негативную реакцию, актуализируя такие признаки, как ‘меркантильность’, ‘личная выгода’, ‘неискренность’ и т.п. [41]. Это отражено в регулярном употреблении в качестве источника метафоризации «творческой» лексики, связанной с театром, живописью, сочинительством, ср.: *картина своей жизни* ‘автобиография’, *портрет* ‘характеристика с места работы’, *сказка про белого бычка, фантастический рассказ* ‘объяснительная записка’, *петь мелодию, плясать четветку* ‘доносить’, *бенефис* ‘выговор, взыскание, нагоняй’, *интервью* ‘допрос’, *золотая рыбка* (сказочный персонаж) ‘указ об амнистии’ [42];

- наконец, НК в фатической коммуникации (типа small talk) оценивается преимущественно отрицательно (ср.: *аминем беса не избыть; языком масла не собьешь; говорить не устать, да в какую статью?; воздух словами не наполнить; сколько ни говорить, а с разговором сытым не быть; от слова не сбудется*), хотя в цене искусные рассказчики (необязательно правдивые; ср. описываемое А. Вежбицкой «художественное вранье»): ср.: *чиста, личиста и говорить речиста; будь хоть дураком, да болтай язычком; за словом в карман не полезет; у него на всякий спрос есть ответ* [41]. В сленге безусловно положительно оценивается остроумный рассказчик (ср.: *хохмогон, корочник, кактус, подкольщик* ‘шутник, остролов’; *лепить горбатого, горбатить* ‘говорить смешное’, *пенку бросить / выдать / отмочить, подколоть* ‘рассказать забавную историю’, *подкалывать, подкалываться* ‘шутить’) [42].

Интересно, что примеров, когда планируемая не прямая коммуникация ассоциируется с вежливостью и деликатностью и оценивается положительно в русской лексике и идиоматике (например, когда *резать правду-матку* плохо), Л. В. Балашова не находит.

3. Проблема не прямой коммуникации и когнитивная лингвистика

Уже из определения не прямой коммуникации, как и из разработки начальной модели ее анализа (см. выше), следует, что с о д е р ж а т е л ь н ы й план НК (аспекты интерпретации, включая особую активность интерпретативных усилий адресата речи по поиску актуальных смыслов), по сравнению с формальным, является гораздо более значимым.

Поэтому закономерно, что, с одной стороны, очень многое для решения проблем НК может дать когнитивная лингвистика, для которой все эти проблемы являются принципиальными, с другой стороны – аспекты «непрямоты» коммуникации и текста являются в высокой степени актуальными для когнитивной лингвистики.

Собственно, и 10 лет назад данные тенденции уже давали о себе знать (всё это подчеркивал и я, формулируя актуальность своей диссертации: [44–49]).

Сегодня же когнитивными (или в той или иной степени когнитивными) стали большинство дискурсивных и жанроведческих исследований – конечно, актуальных и для НК: ср. 4-й и 5-й выпуски сборника «Жанры речи» – «Жанр и концепт» (2005) и «Жанр и культура» (2007) и последующие. В результате

стали яснее не только некоторые содержательные аспекты собственно дискурса, но и некоторые аспекты НК, по сравнению с тем, как обстояли дела 10 лет назад.

Здесь следует подчеркнуть один принципиальный момент теории и методики изучения НК, который был в полной мере актуализован только с развитием когнитивной теории и ее активным применением в исследованиях по НК. Речь о том, что на смену исследованиям в собственно **лингвистике прямых и косвенных значений**, прежде всего, **слов**, в **коммуникативистике** пришли исследования непрямого выражения коммуникативных **смыслов** (ср., например, выработанные соответствующими национальными культурами нормы и типы наиболее регулярных приемов использования косвенных высказываний); в **когнитивной лингвистике** – исследование того, как осуществляется прямое и не прямое отражение **концепта** и его многих содержательных аспектов (включая, например, этимологический и ассоциативный) в разных частях и аспектах текста и общей речемыслительной деятельности носителя языка.

Под прямым и непрямым отражением концепта, о котором мы говорим, в когнитивной лингвистике обычно понимается разная степень выраженности концепта в языке (семантические поля, категории, оценочные шкалы и т.д.), причем прямым обычно считается один и тот же способ выражения концептов – в **слове**. Т.е. концепт выражен прямо, когда используется в тексте / есть в системе **лексема**. Часто наличие **названий** (в коммуникативном концепте – жанров, речевых актов, стратегий, тактик, ролей, типажей) признается определяющим фактором (хотя, как известно, при изучении концептов в целом лексический компонент – исключительно важный, но далеко не единственный). В качестве дополнительных средств выражения концепта выступают довольно многочисленные «спецсредства»: грамматика (когда есть), синтаксические конструкции, частицы, междометия, коммуникативы и т.д. В ассоциативном слое концепта, выявляемом экспериментально, выделяются **редкие** реакции на стимул (а значит, маркированные средства), которые тоже есть все основания считать не прямой реализацией концепта [50].

Для НК в целом является чрезвычайно существенным исследование 1) коммуникативных единиц значительного объема (крупных), сложных, содержательно многомерных, включающих структурные составляющие принципиально разной (вербальной и невербальной) природы; 2) градуируемых, различающихся степенью, прежде всего,

своей жесткости, в разной степени упорядочивающих коммуникацию. Здесь обычно (но не всегда) выделяется «прямая» составляющая – наиболее конвенциональная, обычно вербальная, а точнее – лексическая.

И то и другое актуально для активизированных в последние годы коммуникативно-когнитивных исследований, где концепт (часто практически сливающийся с **коммуникативным концептом**, имеющим четкое композиционно-тематическое-стилистическое содержание: зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т.д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры), есть принципиально ментальный, интерпретативный феномен, имеющий полевую и ассоциативную (а значит, градуируемую) природу, а собственно коммуникативные феномены (например, нормы и правила организации, развертывания текста) осмысляются как **аттракторы** (в синергетической терминологии), наполняющие коммуникативную ситуацию смыслами разной природы и из разных источников, а главное – имеющие ментальные проекции и – в таком виде – модели своей интерпретации [51 ; 52].

Подчеркнем, что место когнитивной теории (как частный случай – когнитивной лингвистики) в общем ряду дисциплин, пересекающихся с теорией непрямого общения / изучающих НК, в целом определяется тем, какое место занимает данная теория среди дисциплин, изучающих различные способы передачи информации (обмена смыслами, коммуникативного взаимодействия) – как при помощи специализированных конвенциональных вербальных и невербальных знаковых систем, так и без помощи таких конвенциональных систем [53].

С этой точки зрения, если понимать НК, в общем, как **задействующую дополнительные источники смыслов**, кроме конвенциональных систем, предназначенных для трансляции в коммуникации **значений**, то к сфере НК следует отнести и такие регулярные, но не составляющие конвенциональных знаковых систем источники смыслов, как, например, культурные сценарии, системы ценностей и т.д., регулярно «поставляющие» в коммуникацию и текст соответствующие смыслы, которые впоследствии могут быть извлечены интерпретатором [54 ; 55]; а выявление таких смыслов и идей – чаще всего привносимых автором речи **бессознательно** – в отличие от всегда сознательного использования знаков – во многом близко к НК.

Итак, определяющими для НК, как мы ее понимаем, являются смыслы, источниками которых являются **не** конвенциональные значения языковых единиц (их изучает традиционная, т.е. системно-структурная, лингвистика).

Поэтому к ведению теории НК, в пределах собственно языковой системы, относится только языковая лакунарность, например выявляемая в межкультурной коммуникации, а также «асистемное в системе», т.е. языковая асимметрия – метафора, синонимы, полисемия, единицы, образующие поля, – вопрос, который, как известно, начали ставить еще в системно-структурной лингвистике (начиная с Ш. Балли, Э. Бенвениста, В. Матезиуса, С. Карцевского); настоящая же систематизация данных **языковых** явлений является прерогативой теории НК (рис. 1).

Несомненно, к НК относятся смыслы, проистекающие из обширных полей, организуемых не собственно языковые, а концептуальные (ментальные, когнитивные) единицы и структуры, активно изучаемые как в современной концептологии, так и когнитивной лингвистике в целом.

Таким образом, современная когнитивная парадигма в лингвистике действительно предоставляет благоприятные возможности для развития в рамках ее теории НК. Вклад науки последних 10 (или немного больше) лет внушительный: как видим, «содержание концептов» должны изучать фактически все названные науки (кроме собственно лингвистики), активно развивающиеся сейчас, – и, конечно, теория НК.

4. Место проблематики НК в парадигме дискурсивного анализа

Ключевой вопрос дискурсивного изучения НК – «что вместо чего использовано в коммуникации?» – соответствует главному вопросу теории косвенных речевых актов в ее наиболее традиционном виде. В центре внимания оказывается социальное взаимодействие людей – коммуникантов, взгляд на которое преимущественно прагматический: главная единица анализа – *иллокуции*, т.е. *цели*, а в случае косвенных РА / косвенных средств построения дискурса – исследователь исходит из того, что у использования того или иного косвенного средства есть определенная *цель*, которая определенным образом взаимодействует с первичной, или основной, целью коммуникативного взаимодействия [56].

Как при изучении многих коммуникативно-речевых феноменов в лингвистике, в изучении НК выделяются два аспекта: языковой и речевой.

Языковой традиционно изучен лучше. Сюда относятся основные семиотические модели НК (в том числе идущие и от Бюлера-Якобсона, и от Соломоника), о которых шла речь в п. 1.

Прежде всего языковой аспект НК изучается и в большинстве современных когнитивных исследований НК, хотя, конечно, существуют и другие аспекты – о них шла речь в п. 3.

Как известно, в целом непрямую коммуникацию делают языковой категорией отсутствие точности и однозначности языкового знака как в тек-

Источники смыслов в коммуникации

Рис. 1. Источники смыслов в коммуникации

сте, так и в системе, непредсказуемость результирующего смысла высказывания, обусловленные недостаточной формализованностью языковой системы (например, по сравнению с математическим кодом) и человеческим фактором в самом широком смысле. К важнейшим и хорошо изученным свойствам языка, обусловленным категорией непрямого общения, относится также то, что разные языки по-разному членят мир, концептуализируют разные типы смыслов, выделяют в качестве важнейших названия разных вещей и отношений. Ни один человеческий язык не концептуализирует до конца всего многообразия возможных в мире смыслов, интенциональных состояний, даже наиболее типичных, постоянно повторяющихся в коммуникации. Известна относительность, разная степень конвенциональности разных языковых категорий. В этом отношении прямота коммуникации – один из способов общего упорядочения мира.

Речевой аспект НК непосредственно связан с языковым и вытекает из него так же естественно, как вообще особенности речи вытекают из природы языка, по Ф. Соссюру.

В новейшей истории лингвистики данный аспект объективно стал не столько развитием названных выше языковых проблем НК (как семиотических, так и когнитивных), сколько логическим продолжением некоторых актуальных тенденций дискурсивного анализа (а также лингвистики текста, конверсационного анализа, прагмалингвистики и теории речевых актов) XX в. Конечно, прежде всего изучение речевого, «собственно коммуникативного» аспекта НК представлено в теории косвенных речевых актов (и – несколько позже – косвенных речевых жанров). В итоге особенности речевых единиц и явлений опять-таки выводились из семиотических особенностей системных, т.е. языковых, виртуальных единиц.

По Соссюру «речь», то есть использование языка, исключается из рассмотрения лингвистики именно потому, что в речи (в отличие от языка) есть НК.

В процессе коммуникации осуществляется непрерывный обмен смыслами, или квантами актуальной информации, разной предметной, интенциональной и стилистической природы. Коммуникативные смыслы кодируются непосредственно структурными единицами высказывания, передаются как своеобразный информационный «довесок» к высказыванию, порождаются различными аспектами использования высказывания и выводятся адресатом с разной степенью опоры на высказывание.

Из теорий актуализации и референции известно, что любой переход от языковых значений компонентов высказывания к их речевым смыслам требует интерпретативных усилий адресата и что,

таким образом, любые формы речевого общения содержат элементы непрямого общения. Высказывания могут быть в разной степени нагружены такими смыслами, т. е. иметь разную степень непрямоты.

Пожалуй, именно этот аспект лингвистической теории коммуникации был определяющим для теории НК, которая разрабатывалась 10 лет назад, и – одновременно – во многом определяющим для тогдашней лингвистической научной парадигмы в целом. Сегодня, пожалуй, остается справедливым и первое, и второе: несмотря на конкуренцию с «модными» когнитивными исследованиями и моделями, теория и методика дискурсивного анализа безусловно продолжает оставаться одним из наиболее авторитетных направлений лингвистики речи. Количество исследований в этой области за последние 10 лет огромно; касается это и новых моделей, среди которых немало таких, которые являются значимыми для НК. Представить здесь все, конечно, нет никакой возможности; скажем поэтому несколько слов лишь о некоторых, представляющихся нам наиболее интересными и показательными (впрочем, многие читатели, несомненно, сочтут мой выбор очень субъективным).

Среди них были работы, которые можно считать современным развитием вполне традиционной теории косвенных речевых актов (в традиции Дж. Серля и позднее дополненной А. Г. Поспеловой и др.) или модели компонентного анализа применительно к коммуникации (в традиции Нормана Фэрклафа), например, [57 ; 58].

Некоторые исследователи сосредоточивали свой анализ на «прямоте» и «непрямоте» отдельных разновидностей и моделей коммуникации и коммуникативных смыслов, в частности **этикетных** [59 ; 60]. Общие правила соотношения прямой и непрямого общения особым образом проявляются в случае функционирования систем этикета: любая возможная непрямота коммуникации (в том числе вежливые косвенные высказывания) не выходит за пределы факультативных смыслов, дополнительных по отношению к основным этикетным смыслам, всегда выраженным прямо. Любая возможная косвенность этикетных речевых действий принципиально ограничена: она не может затрагивать в них главного, т. е. собственно этикетного содержания. Так, в русской речи ничем другим нельзя заменить обращение на *Вы*, если отношения между собеседниками имеют официальный характер. Возможны многообразные вариации формы высказывания, при этом косвенная форма может быть не только более вежливой, но и менее вежливой (подробнее см. [61].)

Говоря о традициях изучения НК в западной лингвистике, необходимо отметить, что одной из

наиболее давних и последовательных традиций, продолжающихся по сей день, является направление, во главе которого стоит американская исследовательница Дебора Таннен и ее ученики. Таннен давно и успешно изучает косвенность в **разговорной**, т.е. устной спонтанной речи, *непринужденных разговорах*, а отсюда – в связи с межличностными отношениями. Вот только основные направления ее исследований в этой области: в деловой речи [62]; в общении противоположных полов [63]; в семейных беседах [64 ; 65]; в кросс-культурной прагматике [66 ; 67]. И, конечно, необходимо вспомнить широко известные книги Таннен, например «Это не то, что я имел в виду!»: как разговорный стиль создает или разрушает отношения» [68], «Ты просто не понял: Женщины и мужчины в разговоре» [63], «Я просто говорю это, потому что я люблю тебя: Разговоры с родителями, партнерами, супругами и детьми» [64]. Следует отметить, что, хотя Таннен рассматривает косвенность в связи с различными «стилями коммуникации» (например гендерными), «кодами» (например «сестринскими нарративами»), она не противопоставляет НК различным типам «выпрямления и упорядочения» коммуникации, которые формируют в коммуникации разные стили, жанры, регистры.

Очень активно продолжает заниматься проблемами дискурсивной **имплицитности** харьковская исследовательница Л. Р. Безуглая (в моей докторской диссертации 2001 г. пересказывались ее главные идеи). В 2010 г. она стала соредктором международного интернет-журнала «Когниция, коммуникация, дискурс» (интернет-адрес: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vupusk-no1-2010/predislovie>), где не только публикует свои новые статьи, посвященные данной проблеме [69 ; 70], но и периодически привлекает работы ведущих специалистов Украины и России (и не только) по данной проблематике.

Конечно же, проблемы имплицитности традиционно активно изучаются в связи с **художественными** текстами. За последние 10 лет наука приобрела целый ряд первоклассных исследований в этой области, от докторских диссертаций И. А. Тарасовой [71], Л. В. Татару [72] и Е. В. Ермаковой [73] (следует подчеркнуть, что все они выполнены в русле Саратовской школы изучения художественной речи под рук. проф. М. Б. Борисовой), до фундаментальной монографии Л. А. Гоготишвили «Непрямое говорение» (!) [74], написанной на стыке теоретической поэтики и философии.

Если понимать соотношение прямой и непрямой коммуникации, в соответствии с дискурсивной теорией и методикой, как использование моделей, в разной степени упорядочивающих коммуникацию, то наиболее актуальными, безусловно, будут дискурсивные исследования и концепции, в которых выделяются и осмысляются единицы коммуникации разной степени жесткости.

Сюда относится, прежде всего, речевой жанровая модель, а также различные измерения дискурса/текста со стороны стиля (стилистического вектора), тональности и т.д.

Так, **функциональная стилистика**, несмотря на усиливающиеся позиции конкурирующих дискурсивной, прагматической и когнитивной методик, в целом остается одной из ведущих речеведческих дисциплин.

В этом отношении показательна точка зрения В. Г. Костомарова, одного из основателей функциональной стилистики в ее «наиболее классическом» виде. Ученый в одной из последних своих книг «Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики» (2005) доказывает, что стилистика по-прежнему «стоит на переднем крае» наиболее перспективных направлений лингвистики, и ей (и только ей) «по силам» наиболее трудная задача из всего того, с чем вообще сталкивалась лингвистика к рубежу XX–XXI веков, – адекватно объяснить огромное многообразие реально-го человеческого общения, речевых образцов, текстов, найти здесь настоящую системность [75 : 42]. По мнению В. Г. Костомарова, эта речевая системность в своей основе является именно стилистической, более того – стилиевой. Ученый признаёт, что функциональная стилистика может и должна эволюционировать – прежде всего потому, что всё огромное речевое многообразие «не умещается» в жесткую схему из пяти стилей традиционной функциональной стилистики. Тем не менее, по мнению В. Г. Костомарова, (1) внутренние объясняющие потенции стилистики позволяют ей справиться с названной задачей, (2) эту задачу функциональная стилистика может решить, используя понятие «*текст*» – именно в том традиционно-стилистическом значении, которое идет от В. В. Виноградова (от термина-понятия «*дискурс*» В. Г. Костомаров отказывается), а главное – (3) используя понятие «**стилистического вектора**». В то же время при реальном анализе речевого материала В. Г. Костомаров выделяет и использует всего... два таких «вектора»! (даже меньше, чем выделяли функциональных стилей в традиционной функциональной стилистике): «книжный» и «разговорный» [75 : 68].

Нельзя не отметить, что многие современные ученые полагают, подобно В. Г. Костомарову, что существующая стилистическая парадигма для более адекватного объяснения положения вещей (прежде всего «рядовым носителям языка») нуждается именно в у п р о щ е н и и: «По нашим представлениям, реально языковое сознание носителей языка с достаточной уверенностью различает не более трех стилистических разрядов лексики, дифференцируемых по условиям употребления: **литературная, разговорная и ненормативная лексика**» [76 : 139].

Здесь следует вспомнить активизированное в последнее годы направление

изучения **коммуникативной тональности**, у истоков которого стоят В. И. Карасик [77] и Т. О. Багдасарян [78].

В. И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [77 : 384]. Отмечается, что тональность восприятия и понимания текста обеспечивает единство интерпретации [77 : 386].

В качестве возможных оснований типологии коммуникативной тональности исследователь предлагает, например, одноплановость / многоплановость смыслов, серьезность / несерьезность общения, кооперативность / конфликтность общения, приоритет содержания / формы общения [77 : 386].

В результате выделяется несколько типов коммуникативной тональности (сам В. И. Карасик считает свой список открытым): информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, гипотетическая, агрессивная, манипулятивная, фасциативная (серьезное эстетическое общение), идеологическая (серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим), эзотерическая (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания) [77 : 386–411].

В последние годы был осуществлен целый ряд исследований по коммуникативной тональности (прежде всего это кандидатские диссертации): [79–82].

Наконец, говоря о новых дискурсивных разработках в области НК, нельзя не упомянуть **теорию суггестивного дискурса** К. Ф. Седова.

Более 10 лет, вплоть до смерти в 2011 г., К. Ф. Седов занимался проблемами дискурсивной суггестии. Представим кратко основные положения его концепции, изложенной в последней прижизненной книге Константина Фёдоровича «Дискурс как суггестия» [83]. В ней ученый дает определение суггестивной модели межличностного общения (в центре ее стоят малоконтролируемые или совсем неподконтрольные разуму феномены психики, которые на эмоционально-мотивационном уровне проявляют себя в социальном взаимодействии людей) и подробно рассматривает три главных, с его точки зрения, феномена суггестивного дискурса: **агрессию, манипуляцию и зависть**.

Показательны классификации типов агрессии и манипуляции, разрабатываемые К. Ф. Седовым: если «непрямая» природа манипуляции очевидна сама по себе (табл. 2), то, как хорошо видно из первой таблицы, основные типы агрессии выделяются им по этому же признаку:

Таблица 1.

Виды речевой агрессии	Критерий дифференциации
Вербальная / невербальная	Способ знакового выражения
Прямая / непрямая	Степень косвенности речевого акта
Инструментальная / неинструментальная	Наличие/отсутствие дополнительных иллокуций
Инициативная / реактивная	Направленность речевого акта: нападение / защита
Активная / пассивная	Степень активности речевого акта
Непосредственная / опосредованная	Характер речевого контакта
Спонтанная / подготовленная	Своеобразие модели речепорождения
Эмоциональная / рациональная	Присутствие/отсутствие рационального начала
Сильная / слабая	По интенсивности воздействия
Враждебная / невраждебная	Наличие/отсутствие иллокуции враждебности

Таблица 2.

Виды речевой манипуляции	Критерий дифференциации
Продуктивная / непродуктивная (конфликтная)	Перлокутивный эффект (со знаком плюс или минус)
Вербальная / невербальная	Способ знакового выражения
Инструментальная / неинструментальная	Характер иллокуции: побуждение к действию / воздействие на сознание
Инициативная / ответная	Направленность речевого акта
Осознанная / неосознанная	Степень осознанности речевого акта
Непосредственная / опосредованная	Характер речевого контакта
Спонтанная / подготовленная	Своеобразие модели речепорождения

Что же касается **зависти** как суггестивного (а в сущности – «непрямо-коммуникативного») феномена, К. Ф. Седов определяет главную цель речевого поступка, спровоцированного чувством зависти (стремление снять когнитивный диссонанс, достичь внутреннего равновесия, уравнивания себя и объекта зависти), и выделяет четыре стратегии таких поступков: 1) возвеличивание своих достижений; 2) принижение своих достижений; 3) возвеличивание достижений другого; 4) принижение достижений другого [83].

В этой связи хотим подчеркнуть еще один момент дискурсивного изучения НК, которое в некоторых направлениях сближается с рассмотренным в п. 3 когнитивным, но все же существенно от него отличается.

Традиционное лингвистическое изучение речи (начиная с Аристотеля) состоит в выделении и систематизации **средств** (чего-

то: в широком смысле) в речи ратора, ора-тора, политика, судьи и т.д. Речь представала как то, что создается, строится, планируется и т.д. **сознательно**.

Когнитивный же взгляд на речь, прежде всего, выявляет те моменты (коннотации, стилистическую окраску, метафоры, смыслы, порождаемые языковыми и когнитивными категориями, структурами, ценностными и оценочными шкалами и т.д.), которые привносятся в текст его автором **бессознательно**.

Это противопоставление очень существенно с точки зрения НК. (То, что **сознательное** и **бессознательное** в языке/речи относятся друг к другу по принципу «прямо/непрямо», утверждалось еще в работах [84; 85]; хотя то, что тогда имелось в виду, не всегда совпадает с нашим сегодняшним пониманием НК и ее аспектов.)

Соответственно является актуальным, но еще не решенным вопрос: где больше **непрямоты** – когда я – **адресат** – вычитываю в тексте смыслы, «просто» не планируемые для обнаружения **адресантом**, или – **скрываемые** им? Далеко не очевидна роль и место НК и в речи, представляющей собой **ложь**: с одной стороны, конечно, в лжи НК есть всегда. С другой – НК, определяемую как такую адресатом (осуществляющим, в данном случае, интерпретативную деятельность повышенной сложности), адресант – лгущий – может контролировать и предвидеть лишь отчасти.

Хотя, с точки зрения адресанта, ложь – это всегда принципиально непрямо (он же знает, что заменяет ею прямую правду!), с его же точки зрения возможны два разных типа НК, определяемые разными типами интерпретативной деятельности адресата, конечно, принципиальной для НК: 1) адресант **лжет**, т.е. имеет место **непрямая** передача... чего-то, притом что что-то (настоящее) скрывается; реакция адресата есть программируемая адресантом, т.е. это реакция на то, что говорится буквально, а не на скрываемую **правду**; 2) когда **ложь** разгадывается адресатом, и его реакция есть – непрограммируемая на скрываемое.

В конечном счете, принимая во внимание разные возможные комбинации этих важных факторов, в лжи можно выделить, по крайней мере, пять типов НК (объединяет же их все то, что именно деятельность адресата – главная):

1) непланируемая непрямо коммуникация («НК-1»), когда адресант проявляется бессознательно, при этом бессознательно проявляется и адресат;

2) непланируемая непрямо коммуникация, когда адресат проявляется сознательно;

3) планируемая непрямо коммуникация («НК-2»), когда адресант проявляется сознательно, а адресат – бессознательно;

4) планируемая непрямо коммуникация, когда сознательно проявляются и адресант, и адресат:

4а) адресат проявляется сознательно, при этом программируемо (адресантом);

4б) адресат проявляется сознательно и непрограммируемо (конечно, с точки зрения адресанта-лгущего это нежелательнейший вариант).

В этой модели, в отличие от предшествующей, где противопоставлялись планируемая и непланируемая НК и в центре был адресант, в центр ставится программируемая и непрограммируемая НК и адресат. В этом отношении дискурсивное изучение НК (и дискурсивные аспекты НК) часто относятся к рассмотренным в п. 3 когнитивным как сознательная (планируемая) НК – к бессознательной, реконструируемой. И, полагаю, абсолютно подтвердилось: в современной лингвистике побеждают коммуникативные модели, принципиально помещающие в центр адресата речи и его интерпретацию (см., например, [55]).

5. Проблемы непрямо коммуникации и современная социолингвистика

К ведению социолингвистического аспекта современной теории НК относятся такие проблемы, как появление новых сфер коммуникации и новых коммуникативных единиц (жанры, типы тональности), формирование новых приоритетов и социальных иерархий, включая членение на социальные группы, а также общее изменение уровня и качества коммуникативной компетенции, образования и образовательных стандартов и т.д.

Наиболее очевидной иллюстрацией может послужить то, что появились некоторые **новые сферы коммуникации**, содержащие НК; а в некоторых сферах, в которых было много НК, произошли изменения.

Так, многочисленные новые способы НК принес **Интернет** (огромный пласт их еще совершенно не изучен), начиная от наиболее интерпретативно простых средств, таких как **литуратив**, т.е. зачеркивание фрагмента текста вместо его удаления (смысл зачеркнутого, естественно, не удаляется полностью, а частично сохраняется и вступает с незачеркнутым в некоторые не всегда очевидные содержательные отношения); или уже более в этом отношении сложных и неочевидных явлений, таких как **падонковский язык**, **каценизмы** и **язык имиджбордов** (что

этим хотели сказать? просто о своей неграмотности или образовательном / культурном / национальном статусе? или же – намек на возможную неграмотность или национальную принадлежность своего собеседника (ср.: *многа букоф ниасилил*)? или ни то, ни другое?); до очень сложных текстовых, номинативных, семиотических феноменов, целого «непрямо-коммуникативного содержательного пространства», которое образует, например, сеть прецедентных текстов, элементы субкультуры интернет-сообществ, групп и микрогрупп (например, «*френдленты*» в социальных сетях или сообщества «*форумчан*», особенно – участников узкоспециальных форумов типа *имиджбордов*). Здесь выстраиваются сложные интертекстуальные диалогические отношения с текстами, написанными ранее «своими» и «чужими» – теми, с которыми солидаризируется автор, и теми, с кем он полемизирует.

Ср., например, как замены используются на «Луркоморье» (<http://lurkmore.to/>): иногда замены менее очевидны, чем эвфемизмы и дисфемизмы или тоже вполне очевидные стилистические, тональные и т.д. смещения, – часто весь юмористический эффект состоит, кажется, в одном факте замены: так, в статье о Pussy Riot: «*Перед нами банальный случай вниманиеблюдства, а также бездарного плагиата одного куда более успешно паренька*» выражение «*одного куда более успешного паренька*» связано ссылкой со статьей «*Слава Герострата*».

Очень большая часть таких смыслов выводится непрямо, а конкретные механизмы, особенно учитывая объем (количество собеседников, «*френдов*»), скорость и интенсивность общения, возможность которых предоставляет Интернет, наглядно показывает, что и для вполне традиционных аспектов НК Интернет дает чрезвычайно благоприятную среду («все то же самое», только гораздо интенсивнее).

Следует сказать несколько слов и о таком вроде бы традиционном явлении, как *флирт* в Интернете. Видимо, формат интернет-общения привел к существенным изменениям данного жанра: он во многом перестал быть непрямым!

Наблюдения показывают, что флирт в Интернете распространился так сильно, что, с одной стороны, присутствует (в виде важной составляющей: ведь пользователи, в большинстве, молодые люди) в огромном объеме интернет-пространства, далеко выходя за пределы «подходящих» для этого жанров (чаты, часть тематических форумов, часть блогов). С другой стороны, став фактически обязательной частью любого интернет-общения, флирт... в значительной степени утрачи-

вает свою не прямую природу. Это касается, например, трансформации семантики лексемы *флирт* в современной интернет-речи: практически все подборки, чаты, форумы, предлагаемые в Интернете на стимулы *флирт*, *flirt*, включают огромное количество абсолютно прямых, полностью лишенных игрового начала сексуальных смыслов, интенций и призывов (*Флирт и общение без ограничений!*; *Знакомства, флирт, любовь онлайн. Бесплатно и анонимно; Найди свою любовь на сайте Флирт.рф; Эротическое общение для тебя; Flirting, watching porn, oggling other people; Flirting, kissing, and of course sex; Send me your naked pictures*). Напротив, найти что-либо в традиционном значении (флирт-игра, флирт-намек, словесный поединок в любовной игре, флирт-«динамо») в современных интернет-ресурсах не так-то просто. Складывается впечатление, что *флиртом* теперь называется все то в гендерно маркированном поведении мужчины и женщины, что просто выходит за рамки собственно полового акта, или же... слово *флирт* превращается в эвфемизм прямого наименования полового акта! Современный флирт теряет отношение и к утонченной игре (по сравнению с салонным флиртом XVIII–XIX веков), и к любой игре, теряет значительную часть или всю свою косвенность.

К сожалению, таких работ в лингвистике, в которых была бы последовательно рассмотрена интернет-коммуникация с этой точки зрения, пока что было очень мало: мы можем назвать только докторскую диссертацию О. В. Лутовиновой [86], хотя потребность в них стоит очень остро.

Возвращаясь к уже упомянутым **тональностям** – очень актуально изучение новых типов тональностей, заимствованных или появившихся в последнее время (как известно, на основе новой тональности может сложиться новый жанр, и всё это образует явления как бы в разной степени прямо осуществляющие коммуникацию и обмены смыслами). Такие вещи часто выступают основой как для развития непрямого коммуникации, так и для ее уменьшения. Проследить все это в диахронии и очень сложно, и очень важно.

Так, из русскоязычной коммуникации в массе ушла тональность *проработки*, распространенная в ранне- и даже позднесоветскую эпоху (впрочем, по некоторым данным, она ушла не совсем: ср. последние «партийные» новости от ЛДПР, «Справедливой России» и т.д.). С другой стороны, мы сейчас видим и появляющиеся полилогические неофициальные, шуточные, но содержательно насыщенные феномены типа *Прожекторперисхилтон* (который, впрочем, тоже уже закрылся).

Нельзя не отметить целый пласт работ, в которых изучаются особенности речи и ком-

муникации, отражающие структуризацию общества, распределение механизмов влияния и – существование и формирование как понимаемой традиционно, так и в широком смысле – *власти*, а шире – стремление к воздействию, эффективности речи. НК в таких работах выступает и актуальным средством влияния, и показателем социальной принадлежности (идентичности), и средством интерпретации (а иногда – сопротивления). В последнее время традиционно активно изучается с этой точки зрения НК в СМИ, рекламе, политической речи (см., например, [87]).

Как и во все времена (см. [88: 203–206]), к НК обращаются, чтобы скрыть желаемое, но запретное, порицаемое или подвергаемое санкциям действие, не дать возможности уличить себя в таком деянии. Новая общественно-политическая реальность в России порождает новые формы данного типа НК – как и новые способы борьбы с данным явлением (мы не будем говорить об успешности или неуспешности такой борьбы, хотя об этом говорит журналист – автор нижеследующего текста, и говорит, как видим, с большим скепсисом):

С коррупцией, оказывается, можно бороться и на лингвистическом уровне. Минтруда опубликовало примерный список запрещенных выражений и запретных для чиновников тем. Означенные выражения и темы могут расцениваться как провоцирование собеседника на взятку:

- «вопрос решить трудно, но можно»,
- «спасибо на хлеб не намажешь»,
- «договоримся»,
- «нужны более веские аргументы»,
- «нужно обсудить параметры»,
- «ну что делать будем?»

А скользкие темы выглядят примерно так:

– *низкий уровень заработной платы служащего и нехватка денежных средств на реализацию тех или иных нужд;*

– *желание приобрести то или иное имущество, получить ту или иную услугу, отправиться в туристическую поездку;*

– *отсутствие работы у родственников служащего;*

– *необходимость поступления детей служащего в образовательные учреждения...*

Антон Орехъ, 11.03.2013, <http://www.ej.ru/?a=briefly>

Обращение к непрямо́й коммуникации в политической публицистике и закономерно, и актуально. Суть политической коммуникации – борьба за власть, а в борьбе всегда «наносятся удары», но при этом полемика с оппонентом и даже его дискредитация должна быть корректной и доказательной, в

противном случае это клевета, за которую грозят санкции. Всё это давно научило журналистов, пишущих на политические темы, пользоваться непрямо́й коммуникацией, за которую нельзя привлечь к ответственности: например, за фразу «*губернатор разорвал бюджет*» могут подать в суд, а всего лишь добавить «*по слухам...*» или «*якобы*» – и всё вроде бы в порядке. Именно поэтому такое явление, как *намек*, – чуть ли не основа многих журналистских текстов на политические темы, собственно политических речей. Конечно, не всё так просто: главное требование к политической коммуникации – убедительность и воздействие, речь же, состоящая из одних намеков, может показаться бледноватой и пустоватой, а то и трусливой...

Исследование непрямо́й коммуникации актуально в современной семантически и когнитивно ориентированной лингвистике, включая политическую лингвистику и теорию лингвистической экспертизы. По данной теме уже появляются докторские диссертации, например К. И. Бринева [89], где оправданно много внимания уделяется проблемам НК. Кстати, силами этого ученого в Барнауле с 2002 г. издается журнал «Юрислингвистика» (сайт журнала: <http://siberia-expert.com/load/>), проводятся тематические конференции.

Нельзя не добавить, что исследование НК активно осуществляется в сравнительной лингвистике, при изучении разных культур, различающихся не только языками, но и речевыми приемами и жанрами, средствами риторики, стилистики, а также политическими традициями (например, Россия и Германия).

Иногда, наоборот, высказывается мнение, что место НК в современной жизни стало меньше, что связывают с общим «ухудшением» (примитивизацией, обеднением) современной коммуникативной практики, коммуникативной компетенции и подготовки (иногда это связывают с новыми программами средней школы и ЕГЭ). В речи/тексте это проявляется как в обеднении инвентаря используемых средств, так и в стирании многих важных содержательных, коннотативных, стилистических и т.д. различий, росте доли неопределенных средств – диффузов (ср. слова в современных российских СМИ: *прикольный, продвинутый, акция* и т.д.) [90 ; 91]. Часто можно слышать, что в современных СМИ, речи публицистов, телеведущих, шоуменов и т.д. уменьшилась сложность речи: яркость, образность, неожиданность, упрощается образный ряд, качество художественной литературы, фильмов, телепередач, в том числе юмористических – всё то, что спо-

собствует интерпретативной активности адресата [92].

Ср. возрастание роли эмблем в «коммуникативных нормах современной массовой культуры», которые обнаруживает В. И. Карасик. Он объясняет это следующими причинами: демократизация всей повседневной жизни и сопутствующее ей давление массовой культуры, увеличение скорости жизни, информационный взрыв, компьютеризация учебы, работы и досуга, визуализация информации, превращение электронных массмедиа в коллективного агента институционального дискурса, глобализация культуры. Эмблема не требует обдумывания, она должна быть легко узнаваема. Массовая культура стремится к понижению рациональности, критичности, индивидуальности во всех человеческих проявлениях. Информационный взрыв неизбежно приводит к противопоставлению двух типов знания – ориентационного и фундаментального. Специфика ориентационного знания состоит в том, что оно по своей природе является отсылочным, нужно знать, к какой сфере относится то или иное явление, в то время как фундаментальное знание, независимо от степени его глубины, предполагает системное освоение объекта, понимание его природы и построение его модели [93 : 42–43; 36 : 67–85].

Возвращаясь к уже упомянутому педагогическому аспекту НК, подчеркнем, что он является и достаточно обширным (включает и умение понимать чужую НК – иронию, художественную речь и т.д., – и умение порождать ее самому), и актуальным (в целом без стилистической, лексической, риторической сложности, включая умение использовать эвфемизмы, редкие и иностранные слова, играть со словом – без всего этого нет и не может быть по-настоящему высокого уровня речевой культуры).

6. НК и речевые жанры

Последний рассматриваемый нами аспект, несомненно, занимает особое место в теории НК (*last but not least*).

10 лет назад его считали главным и я во вступительной статье к сборнику «Прямая и непрямо́е общение»: «Пожалуй, самой актуальной теорией непрямого общения является для речевых жанров. Речевые жанры – самый очевидный и на данный момент самый востребованный аспект данной теории. Жанровые аспекты непрямого общения, косвенные жанры оказались широко представлены в настоящем сборнике» [2 : 10], и авторы рецензии на этот сборник В. И. Шаховский и С. В. Ионова (они вообще называли данный аспект «кульминацией сборника»: «Выделившись из контекста изучения жанровых типов речи, проблема непрямого общения, как представляется, тем не менее по-прежнему ощущает себя наиболее уверенно именно в данной среде» [3 : 380], а ближай-

шие перспективы (и одновременно – недостаток рецензируемого сборника) связывали с необходимостью изучения в данном плане *эмоций* [3 : 382]⁴.

Прошедшие 10 лет развития теории непрямого общения, пожалуй, подтвердили справедливость этих суждений, хотя внесли некоторые коррективы.

Во-первых, сама теория речевых жанров эти 10 лет активно развивалась, при этом несколько видоизменялась вместе с текущей научной парадигмой: говоря вообще, теория РЖ сегодня «не совсем та, что была 10 лет назад», и прежде всего – в ней особенно активизировалось когнитивное направление, которое, как уже было показано, стало гораздо более актуальным, чем 10 лет назад, и для теории непрямого общения:

«Если попытаться охарактеризовать развитие теории речевых жанров после выхода статьи М. М. Бахтина “Проблема речевых жанров” в наиболее общем виде, можно сказать, что, во-первых, теория речевых жанров очень значительно менялась вместе с общей научной парадигмой в лингвистике, однако практически при каждой новой научной парадигме ТРЖ была востребована. Во-вторых, постоянно способствовала развитию каждого из новых направлений лингвистической науки и ТРЖ сама по себе, и выделение понятия речевого жанра (или сходных с ним речевых явлений) в качестве базовой единицы / одной из базовых единиц данной теоретической концепции» [94 : 17–18].

⁴ В сущности, сборник «Прямая и непрямо́е общение» 2003 г. и был не чем иным, как очередным – тогда четвертым – выпуском серийного сборника «Жанры речи». Оба сборника объединяли и практически полностью совпадающие составы редакционных коллегий, и круг авторов (включая иностранцев, чьи переводы публиковались в обоих: ну как тут не вспомнить ту же А. Вежбицкую!). Назвать его так нам тогда помешало только то, что до этого выпуски сборника «Жанры речи» (1997, 1999 и 2002) не были посвящены какой-то более узкой проблеме теории речевых жанров. Ирония состоит в том, что уже начиная со следующего выпуска (2005) все выпуски «Жанров речи» стали-таки тематическими («Жанр и концепт», «Жанр и культура», «Жанр и язык», «Жанр и языковая личность», «Жанр и творчество»)! С другой стороны, больше половины объема сборника «Прямая и непрямо́е общение» 2003 г. занимает именно раздел «Виды и жанры непрямого общения». Так что логика в том, чтобы сделать сборник «Прямая и непрямо́е общение» выпуском сборника «Жанры речи» – «Жанр и непрямо́е общение» – безусловно была; а о том, что мы тогда так не сделали, я до сих пор иногда жалею.

Так, когнитивная генристика изучает наиболее близкие РЖ коммуникативные концепты (см. выше), соответственно – все аспекты «непрямоты концепта», о которых шла речь в § 3; а теория речевых жанров и теория не прямой коммуникации в когнитивной парадигме выступают как две модели, с разных сторон объясняющие «прямые» и «непрямые» (более / менее точные, однозначные, конвенциональные, ситуативно обусловленные, творческие) аспекты языкового и коммуникативного мышления.

Во-вторых, в современной ТРЖ изучение НК, как представляется, наиболее актуально в двух направлениях (что приблизительно соответствует изучению двух типов РЖ):

- изучение конкретных косвенных РЖ (включая многочисленные феномены, относящиеся к «околожанровому пространству речи») – косвенные, манипулятивные, уклончивые и т.д. речевые стратегии, тактики (субжанры), трансакции, а также (с некоторой натяжкой) косвенные речевые акты.

В монографии «Теория речевых жанров» [94] (глава «Изучение отдельных речевых жанров») был дан список из 295 РЖ, которые становились объектом специальных исследований. С первого взгляда на список бросается в глаза, как много среди этих жанров косвенных: *анекдот, байки охотничьи, балагурство, беседа дружеская, беседа светская, беседа семейная, «болтовня», «брюзжание», ворчание, «выведывание информации», выражение интеллектуального превосходства, высмеивание, граффити, демагогия, «дерзость», заговор враждебный, заговор магический, «застолье», злопояжелание, издевка, ирония, капризничание, карикатура политическая, колкость, комплимент, «красивое / художественное вранье», лесть, ложь (вранье), манипулирование, мистификация, молва, молчание, моральная поддержка, намек, насмешка, общение на отдыхе, «объявление шутовское в маршрутных такси», политическая антиреклама, попрек, похвальба, «придирки», «притворство», «разговор», разговор по душам, «разговор с позиции силы», розыгрыш, сарказм, слухи, сплетни, укор, упрек, «усмешка», утешение, ухаживание, флирт, шутка, «шутовство», “deadpan jocular irony”, dowcip, kawał, small talk и др.;*

- изучение отдельных не прямых/косвенных средств (языковой игры и более широких аспектов лингвокреативности, вежливости, скрытого влияния, суггестии), используемых в различных «сложных» (многоактных, диалогических) жанрах, например: тактики влияния в интервью [95], юмор в светской беседе и *small talk* [96], языковая игра в неофициальном общении студентов [97]. Интересно, что многие из таких жанров относятся к новым

сферам коммуникации (см. пп. 4 и 5) – ср. работы О. В. Лутовиновой, Н. А. Кубраковой, Н. Б. Рогачевой.

Возвращаясь к вопросу о **сознательности/бессознательности**, связанном с искренностью/неискренностью (бессознательно избираемые средства, как правило, свидетельствуют о большей искренности, чем сознательно, хотя интерпретировать их всегда сложнее), а тем самым – не прямой коммуникацией, следует подчеркнуть, что данный аспект несомненно затрагивает и речевые жанры.

Как известно, до сих пор такие исследования были на уровне, например, фоносемантики [98]: тексты, как будто бы содержащие определенный эмоциональный и оценочный заряд, «проверялись на фоносемантику» (бессознательную), и так выявлялась возможная неискренность автора. Подобные вещи исследовались на уровне лексики с метафорами [99]: бессознательно выбранные автором текста метафорические модели могут отражать совсем иное настроение, экспрессию и оценку, чем сознательно выбранные риторические, стилистические, экспрессивные средства текстопостроения.

Всё это совсем не редко практикуется, конечно, и с жанрами.

Вообще говоря, в этом отношении могут быть два аспекта:

- 1) я использую один РЖ, предполагающий определенную экспрессию (например, *поздравление, похвала, соболезнование*), а его конкретное вербальное, грамматическое, фоносемантическое и т.д. наполнение противоречит этой экспрессии (в таких случаях говорят: «*неискренняя похвала*», «*фальшивое соболезнование*», «*кислое поздравление*», «*комплимент прозвучал формально*» и т.д.). Таким образом, этот случай демонстрирует конфликт между сознательно избираемым жанром и бессознательно используемыми единицами других уровней;

- 2) я избираю (сознательно) общую тональность общения, претендующую на определенную экспрессию, а используемые при этом конкретные жанры ей противоречат (например, я как будто бы вежлив, кооперативен, толерантен и т.д., а жанры – *приказ, угроза, обвинение, оскорбление, демонстрация силы...*). Здесь, таким образом, бессознательно избираются жанры.

Примером может послужить сценка из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», где Передонов ведет с дамой «приятный разговор»:

Передонов чувствовал себя очень приятно. Он решил поговорить с Мартою любезно, пошутить, позабавить ее. Он начал так :

– Ну, что, скоро бунтовать будете?
– Зачем бунтовать? – спросила Марта.
– Вы, поляки, ведь все бунтовать собираетесь, да только напрасно.
– Я и не думаю об этом, – сказала Марта, – да и никто у нас не хочет бунтовать.
– Ну да, это вы только так говорите, а вы русских ненавидите.
– И не думаем, – сказал Владя, повертываясь к Передонову с передней скамейки, где сидел рядом с Игнатием.
– Знаем мы, как вы не думаете. Только мы вам не отдадим вашей Польши. Мы вас завоевали. Мы вам сколько благодеяний сделали, да, видно, как волка ни корми, он все в лес смотрит.
Марта не возражала. Передонов помолчал немного и вдруг сказал:
– Поляки – безмозглые.
Марта покраснела.
– Всякие бывают и русские и поляки, – сказала она.
– Нет, уж это так, это верно, – настаивал Передонов. – Поляки – глупые. Только форсу задают. <...> А польки все – неряхи.
Он посмотрел на Марту и, с удовольствием заметив, что она сильно покраснела, сказал из любезности:
– Да вы не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.
– Все польки – хорошие хозяйки, – ответила Марта.
– Ну, да, – возразил Передонов, – хозяйки, сверху чисто, а юбки грязные. <...> Ведь вы – бедные, – вдруг сказал Передонов.
– Да, не богатые, – ответила Марта, – да все-таки уж и не так бедны. У нас у всех есть кое-что отложено.
Передонов недоверчиво посмотрел на нее и сказал:
– Ну, да, я знаю, что вы – бедные. Босые ежеденком дома ходите.
– Мы это не от бедности, – живо сказал Владя.
– А что же, от богатства, что ли? – спросил Передонов и отрывисто захохотал.

*

«Хочется надеяться, что настоящий сборник покажется читателю достаточно интересным, несмотря на то, что я не знаю, чего он найдет больше – ответов на поставленные вопросы или новых вопросов. По-видимому, иным и не мог быть первый опыт коллективного обсуждения проблемы непрямо́й коммуникации. Добавлю, что новых вопросов может быть поставлено гораздо больше. Проблема настоятельно требует дальнейшего изучения», – такими словами я завершал вступительную статью к сборнику «Прямая и непрямо́я коммуникация» в 2003 г.

Сегодня, завершая эту статью – мою первую за 10 лет попытку систематизировать современное состояние теории НК, представить новые направления и выделяемые ас-

пекты НК (конечно, это не только первая, но и начальная, т.е. никак не претендующая на полноту, попытка), я вижу, что, с одной стороны, проблема НК еще далеко не достаточно решена (это касается и определения НК, и списка/типологии коммуникативных феноменов, входящих в соответствующее поле, и конкретных моделей ее описания и систематизации; в полной мере касается это и состояния инвентаря соответствующей терминологии – необходимость упорядочения данного инвентаря стоит не менее остро, чем 10 лет назад).

Конечно, 10 лет совсем не большой срок для науки, и в сказанном, в общем, нет ничего удивительного и даже интересного: зачем вообще об этом говорить?

Но, с другой стороны, за 10 лет таки появилось много нового – и это уже во всех отношениях гораздо интереснее.

Новое проистекает из изменившегося общества (прежде всего – коммуникативной и собственно языковой компетенции носителей языка, включая опыт участия в различных новых сферах коммуникации, требующих или допускающих использования НК; а также аспекты образования). Так, в русском коммуникативном пространстве медленно, но ощутимо меняется отношение к косвенности: от имеющего очень давние традиции недоверия, маргинальности косвенности в речи (см. [100]) до, например, нынешнего отношения к *small talk* «вполне по-американски»: *small talk* сейчас нормально учат (особенно в пособиях по профессиональному общению с иностранцами: см., например, [101]). С другой стороны, утрачивает свое обязательное требование непрямоты флирт (слово «*флирт*», конечно, осталось и даже очень нравится сегодняшней молодежи; речежанровые же требования флирта, состоящие в запрете называть вещи своими именами, утрачиваются: из косвенного РЖ флирт (по крайней мере сетевой) все чаще становится бесстыдно-прямым). Более прямо выражает свою непосредственную интенцию (чтобы купили) реклама: ушли в прошлое непременно ироничные и самоироничные «как бы извиняющиеся» сюжеты, распространенные в рекламе в СССР и России в «перестроечные» и первые «постперестроечные» годы. Наконец, вновь активизируется институциональная часть русского коммуникативного пространства («прививка официозом передовиц партийной прессы» оказалась на удивление недолговечной), что находит отражение, с одной стороны, в новом канцелярите [91 ; 102 ; 103], с другой – в развитии лингвистической экспертизы.

Новое, таким образом, проистекает и из изменившейся науки, где наиболее активно развиваются (а отчасти и пересматриваются) некоторые дисциплины и концепции, занимающиеся языковыми и коммуникативно-речевыми феноменами, входящими в сферу НК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прямая и непрякая коммуникация : сб. науч. работ / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : Колледж, 2003. 354 с.

2. Дементьев В. В. Основы теории непрякой коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001. 40 с.

3. Шаховский В. И., Ионова С. В. [Рецензия] // Stylistyka. 2004. № 13. С. 372–383. Рец. на кн. : Прямая и непрякая коммуникация / ред. В. В. Дементьев. Саратов : Колледж, 2003. 354 с.

4. Булатова Э. В. Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 20 с.

5. Федорова Т. В. Аргументация в контексте непрякой коммуникации (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 20 с.

6. Марюхин А. П. Непрякая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.

7. Саакян Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрякой речевого убеждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.

8. Паремущавили Э. Э. Речевая агрессия в непрякой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 20 с.

9. Филиппова М. М. Непрякая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 28. М. : МАКС Пресс, 2004. С. 75–89.

10. Григорьева Е. Г. Телевизионный дискурс в аспекте теории прямой и непрякой коммуникации // Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация : межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2006. С. 104–108.

11. Козлова Л. А. Национально-культурная и индивидуально-личностная специфика непрякой коммуникации // Университетская филология – образованию : регулятивная природа коммуникации : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникативистика в современном мире : регулятивная природа коммуникации» (Барнаул, 14–18 апреля 2009 г.). Барнаул : Изд-во АлГУ, 2009. С. 399–406.

12. Тахтарова С. С. Митигативные стратегии в непрякой коммуникации // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : сб. науч. тр. М. : Изд-во РГГУ, 2009. С. 482–493.

13. Нестерова Т. В. Непрямые (косвенные) реализации интенции отказа в речевом общении русских с позиций речевого этикета // Русский язык за рубежом. 2009. № 3. С. 45–56.

14. Клушина Н. И. Непрякое информирование в современных СМИ // Жизнь и словом присягаючи. К 90-летию М. Е. Тикоцкого : сб. науч. работ. Минск : БГУ, 2012. С. 288–293.

15. Гуревич Т. М. Непрякая коммуникация в межкультурных контактах // Межкультурная коммуникация : современная теория и практика : материалы VII Конвента РАМИ (Москва, сентябрь 2012 г.) / отв. ред. А. В. Мальгин. М. : Аспект Пресс, 2013. С. 57–59.

16. Омельченко Е. В. Фасциативная составляющая в непрякой коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики : сб. науч. работ. Тамбов : Грамота, 2013. № 1. С. 136–139.

17. Anolli L. MaCHT Miscommunication as Chance Theory : Toward a unitary theory of communication and miscommunication // Say Not to Say : New perspectives on miscommunication / eds. L. Anolli, R. Ciceri, G. Riva. Amsterdam : IOS Press, 2001. P. 3–43.

18. Hinnenkamp V. Misunderstandings : Interactional structure and strategic resources // Misunderstandings in Social Life : Discourse approaches to problematic talk / eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. L. [etc.] : Longman, 2003. P. 57–81.

19. House J., Kasper G., Ross S. Misunderstanding talk Juliane House // Misunderstandings in Social Life : Discourse approaches to problematic talk / eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. L. [etc.] : Longman, 2003. P. 1–21.

20. Verdonik D. Between understanding and misunderstanding // Journal of Pragmatics. 2010. № 42, pt. 5. P. 1364–1379.

21. Wu S., Keysar B. The effect of information overlap on communication effectiveness // Cognitive Science. 2007. № 31. P. 169–181.

22. Clark H. H., Krych M. A. Speaking while monitoring addressees for understanding // Journal of Memory and Language. 2004. № 50. P. 62–81.

23. Kecskes I. The paradox of communication : Socio-cognitive approach to pragmatics // Pragmatics and Society. 2010. № 1, pt. 1. P. 50–73.

24. Linell P. Rethinking Language, Mind and World dialogically : Interactional and contextual theories of human sense making. Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2009. 155 p.

25. Sperber D., Wilson D. Pragmatics, modularity and mind-reading // Mind & Language. 2002. № 17, pt. 1–2. P. 3–23.

26. Brennan S. E., Schober M. How listeners compensate for disfluencies in spontaneous speech // Journal of Memory and Language. 2001. № 44. P. 274–296.

27. Ferreira V. S., Slevc L. R., Rogers E. S. How do speakers avoid ambiguous linguistic expressions? // Cognition. 2005. № 96. P. 263–284.

28. Jucker A. H., Smith S. W., Lüdge T. Interactive aspects of vagueness in conversation // Journal of Pragmatics. 2003. № 35, pt. 12. P. 1737–1769.

29. *Berger Ch. R.* A tale of two communication modes : When rational and experiential processing systems encounter statistical and anecdotal depictions of threat // *Journal of Language and Social Psychology*. 2007. № 26. P. 215–233.
30. *Raevaara L.* Accounts at convenience stores : Doing dispreference and small talk // *Journal of Pragmatics*. 2010. № 43, pt. 2. P. 556–571.
31. *Janicki K.* Lay people's language problems // *International Journal of Applied Linguistics*. 2010. № 20, pt. 1. P. 73–94.
32. *Енина Л. В.* Современные российские лозунги как сверхтекст : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 20 с.
33. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.
34. *Майтунская К. Е.* Местоимения в языках разных систем. М. : Наука, 1969. 307 с.
35. *Цивьян Т. В.* Оппозиция мужской / женский и ее классифицирующая роль в модели мира // Этнические стереотипы мужского и женского поведения : сб. науч. тр. СПб. : Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1991. С. 77–91.
36. *Карасик В. И.* Лингвосомиотическое моделирование ценностей // *Политическая лингвистика*. 2012. № 1 (39). С. 43–50.
37. *Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А.* Информация и фасцинация в прямой и непрямо́й коммуникации // *Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы*. 1997. № 8. С. 1–7.
38. *Вежибицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. : Языки славянских культур, 2001. 272 с.
39. *Гладкова А.* Русская культурная семантика : эмоции, ценности, жизненные установки. М. : Языки славянских культур, 2010. 304 с.
40. *Арутюнова Н. Д.* Наивные размышления о наивной картине языка // *Язык о языке / под ред. Н. Д. Арутюновой*. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 7–23.
41. *Балашова Л. В.* Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // *Прямая и непрямо́я коммуникация : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 93–108.
42. *Балашова Л. В.* Концептуализация речевой коммуникации во внелитературных стратах (метафора) // *Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной*. Вып. 7. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 148–164.
43. *Балашова Л. В.* Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // *Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева*. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов : ИЦ Наука, 2009. С. 59–79.
44. *Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 17–33.
45. *Кибрик А. А.* Когнитивные исследования по дискурсу // *Вопр. языкознания*. 1994. № 5. С. 126–139.
46. *Кибрик А. Е.* Куда идет современная лингвистика // *Лингвистика на исходе XX века : итоги и перспективы : тез. междунар. конф.* М. : Изд-во МГУ, 1995. С. 217–218.
47. *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 3–15.
48. *Масленникова А. А.* Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. 40 с.
49. *Рахилина Е. В.* Когнитивная семантика : история, персоналии, идеи, результаты // *Семиотика и информатика : сб. науч. тр. Вып. 36*. М. : Русские словари, 1998. С. 274–323.
50. *Гольдин В. Е.* Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.)*. Вып. 9 (16). М. : Изд-во РГГУ, 2010. С. 97–101.
51. *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта ; Наука, 2010. 224 с.
52. *Приходько А. Н.* Типы и классы концептов // *Новое в славянской филологии : сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова*. Севастополь : Рибэст, 2009. С. 80–89.
53. *Манаенко Г. Н.* Координаты понятия «дискурс» // *Дискурс, концепт, жанр : сб. науч. ст. / под ред. М. Ю. Олешкова*. Н. Тагил : НТГСПА, 2009. С. 15–35.
54. *Slembrouck S.* Explanation, interpretation and critique in the analysis of discourse // *Critique of Anthropology*. 2001. vol. 21, no. 1. P. 33–57.
55. *Bucholtz M.* Reflexivity and Critique in Discourse Analysis // *Critique of Anthropology*. 2001. vol. 21, no. 2. P. 165–183.
56. *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. L. : Longman, 1983. 250 p.
57. *Белозерова Е. М.* Дискурсивные свойства речевого акта намекания (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2007. 20 с.
58. *Ермакова О. П.* Попытка типологии косвенных ответов // *Русский язык сегодня : сб. докладов*. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М. : Флинта ; Наука, 2012. С. 156–169.
59. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации : Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 510 с.
60. *Рисинзон С. А.* Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
61. *Дементьев В. В.* Непрямо́я коммуникация и этикетные смыслы // *Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной*. Вып. 5. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 196–204.
62. *Tannen D.* Indirectness at Work // *Language in Action : New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy / ed. by J. Peyton, P. Griffin*,

- W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, NJ : Hampton Press, 2000. P. 189–212.
63. *Tannen D.* You Just Don't Understand : Women and Men in Conversation. N.Y. : William Morrow Paperbacks, 2007. 352 p.
64. *Tannen D.* I Only Say This Because I Love You : Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults. N.Y. : Random House, 2001. 368 p.
65. *Tannen D.* Abduction and Identity in Family Interaction : Ventriloquizing as Indirectness // Special issue of Journal of Pragmatics / ed. by S. Kiesling. 2009. № 10 (1016). P. 50–75.
66. *Tannen D.* Indirectness in Discourse : Ethnicity as Conversational Style // Discourse Processes. 1981. № 4, pt. 3. P. 221–238.
67. *Tannen D.* Introducing Constructed Dialogue in Greek and American Conversational and Literary Narratives // Direct and Indirect Speech / ed. by F. Coulmas. Berlin : Mouton, 1986. P. 311–322.
68. *Tannen D.* That's Not What I Meant! : How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. N.Y. : Harper Perennial, 1986. 224 p.
69. *Безуглая Л. Р.* Имплицитные смыслы в дискурсе : когнитивно-коммуникативный подход // Когниция, коммуникация, дискурс. 2010. № 1. С. 5–19.
70. *Безуглая Л. Р.* Понятия «значение» и «смысл» в прагмалингвистике // Когниция, коммуникация, дискурс. 2012. № 4. С. 14–27.
71. *Тарасова И. А.* Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Аненского) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. 40 с.
72. *Татару Л. В.* Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулфа) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 40 с.
73. *Ермакова Е.В.* Имплицитность в художественном тексте (на материале современной русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
74. *Гоготиншвили Л. А.* Непрямое говорение. М. : Языки славянских культур, 2006. 720 с.
75. *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии : Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.
76. *Стернин И. А.* Можно ли упростить стилистическую парадигму для рядового носителя языка? // Язык художественной литературы. Литературный язык : сб. ст. к 80-летию М. Б. Борисовой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 64–81.
77. *Карасик В. И.* Коммуникативная тональность // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ Наука, 2007. С. 81–94.
78. *Багдасарян Т. О.* Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 20 с.
79. *Брыжина Т. С.* Пародийная тональность : дискурсивный статус и функциональные типы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 20 с.
80. *Могилевская О. А.* Динамика идеологической тональности в российских и американских публицистических статьях : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 20 с.
81. *Смирнова М. П.* Семейная тональность в текстах таблоидных изданий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 20 с.
82. *Тушикова С. Е.* Категория тональности и уровни ее репрезентации в жанре светской хроники // Вopr. когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 68–73.
83. *Седов К. Ф.* Дискурс как суггестия : Иррациональное воздействие в межличностном общении. М. : Лабиринт, 2011. 336 с.
84. *Шерозия А. Е.* Психика. Сознание. Бессознательное. Тбилиси : Мецниереба, 1979. 172 с.
85. *Якобсон Р.* К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Бессознательное : природа, функции, методы, исследования : в 4 т. / под общ. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. Б. Басиной. Т. III. Тбилиси : Мецниереба, 1978. С. 156–167.
86. *Лутовинова О. В.* Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 40 с.
87. *Вайс Д.* Депутаты любят цитаты : ссылки на ксенотексты в Госдуме // Русский язык сегодня : сб. науч. тр. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М. : Флинта ; Наука, 2012. С. 64–75.
88. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.
89. *Бринев К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Кемерово, 2010. 40 с.
90. *Сиротинина О. Б.* Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилициной. Вып. 12. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. С. 5–13.
91. *Сиротинина О. Б.* Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
92. *Осетрова Е. В.* О «речевой жизни» жанра : некоторые наблюдения и идеи // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов : ИЦ Наука, 2012. С. 448–456.
93. *Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград : Парадигма, 2010. 448 с.
94. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
95. *Паршина О. Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 40 с.
96. *Фенина В. В.* Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 20 с.

97. Булыгина Ю. В. Языковая игра в речи студентов и преподавателей как способ создания смехового пространства в общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 20 с.

98. Журавлев А. П. Звук и смысл. М. : Просвещение, 1991. 190 с.

99. Балаишова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 11–22.

100. Клюев Е. В. Риторика (Инвенция). Диспозиция. Элокуция. М. : Приор, 1999. 110 с.

101. Людерс Т. М., Барташова О. А. Small talk for business purposes : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2009. 38 с.

102. Купина Н. А. Советизмы : к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 35–40.

103. Дементьев В. В. Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи) // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 24–40.

REFERENCES

1. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya: sb. nauch. rabot* [Direct and indirect communication: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Saratov, 2003. 354 p.

2. Dementyev V. V. *Osnovy teorii nepryamoj kommunikatsii* [Fundamentals of the theory of indirect communication. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2001. 40 p.

3. Shakhovskij V. I., Ionova S. V. Rec. na kn.: *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Review of: Direct and indirect communication. Ed. V. V. Dementyev]. Saratov, College, 2003. 354 p. *Stylistyka*, 2004, no. 13, pp. 372–383.

4. Bulatova E. V. *Pryamaya i kosvennaya kommunikatsiya v sovremennoj rossijskoj pechatnoj reklame* [Direct and indirect communication in the modern Russian print advertising. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2005. 20 p.

5. Fedorova T. V. *Argumentatsiya v kontekste nepryamoj kommunikatsii (na materiale anglijskogo yazyka)* [The reasoning in the context of indirect communication (in the English language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Irkutsk, 2009. 20 p.

6. Maryukhin A. P. *Nepryamaya kommunikatsiya v nauchnom diskurse (na materiale russkogo, anglijskogo, nemetskogo yazykov)* [Indirect communication in scientific discourse (on the basis of Russian, English, German). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2010. 20 p.

7. Saakyan L. N. *Evfemiya kak pragmalingvističeskaya kategoriya v diskursivnoj praktike nepryamogo rečevogo ubezhdeniya* [Euphemism as pragmalinguistic category in the discursive practice of indirect verbal persuasion. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2010. 20 p.

8. Paremuzashvili E. E. *Rečevaya agressiya v nepryamoj kommunikatsii (na materiale russkoj klassičeskoj i sovremennoj literatury)* [Verbal aggression in indirect communication (based on the

Russian classical and modern literature). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2013. 20 p.

9. Filippova M. M. *Nepryamaya kommunikatsiya i sredstva sozdaniya dvusmyslennogo diskursa* [Indirect communication and the creation of an ambiguous discourse]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, consciousness, communication: collection of articles. Eds. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov]. Iss. 28. Moscow, 2004, pp. 75–89.

10. Grigor'eva E. G. *Televizionnyj diskurs v aspekte teorii pryamoj i nepryamoj kommunikatsii* [Television Discourse in the aspect of the theory of direct and indirect communication]. *Lingvistika. Perevod. Mezkul'turnaya kommunikatsiya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Linguistics. Translation. Intercultural Communication: interuniversity collection of scientific works]. Pyatigorsk, 2006, pp. 104–108.

11. Kozlova L. A. *Natsional'no-kul'turnaya i individual'no-lichnostnaya spetsifika nepryamoj kommunikatsii* [The national-cultural and individual-personal specific of indirect communications]. *Universitetskaya filologiya – obrazovaniyu: reguljativnaya priroda kommunikatsii: materialy Vtoroy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Kommunikativistika v sovremennom mire: reguljativnaya priroda kommunikatsii» (Barnaul, 14–18 aprelya 2009 g.)* [University Philology – Education: regulatory nature of communication: materials of the Second international scientific and practical conference «Communication science in modern world: regulatory nature of communication» (Barnaul, April 14–18, 2009)]. Barnaul, 2009, pp. 399–406.

12. Takhtarova S. S. *Mitigativnye strategii v nepryamoj kommunikatsii* [Mitigative strategies in indirect communication]. *Stereotipy v yazyke, kommunikatsii i kul'ture: sb. nauch. tr.* [Stereotypes in language, communication and culture: collection of scientific works]. Moscow, 2009, pp. 482–493.

13. Nesterova T. V. *Nepryamyje (kosvennye) realizatsii intentsii otkaza v rečevom obshhenii russkikh s pozitsij rečevogo ehtiketa* [Indirect realizations of the intentions of decline in speech communication of Russians from the standpoint of speech etiquette]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2009, no. 3, pp. 45–56.

14. Klushina N. I. *Nepryamoe informirovanie v sovremennykh SMI* [Indirect information in the modern media]. *Zhizn'yu i slovom prislyagayuchi. K 90-letiyu M. E. Tikotskogo: sb. nauch. rabot* [Life and the word. On the 90th anniversary of M. E. Tikotsky: collection of scientific works]. Minsk, 2012, pp. 288–293.

15. Gurevich T. M. *Nepryamaya kommunikatsiya v mezhkul'turnykh kontaktakh* [Indirect communication in cross-cultural contacts]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennaya teoriya i praktika: materialy VII Konventa RAMI (Moskva, sentyabr 2012 g.)* [Intercultural Communication: modern theory and practice: materials of VII Convent of Russian International Studies Association (Moscow, September 2012). Ed. A. V. Malgin]. Moscow, 2013, pp. 57–59.

16. Omel'chenko E. V. *Fastsinativnaya sostavlyayushchaya v nepryamoj kommunikatsii* [Fascinating

component in indirect communication]. *Filologicheskoe nauki. Voprosy teorii i praktiki: sb. nauch. rabot* [Philology. Theory and practice: collection of scientific works]. Tambov, 2013, no. 1, pp. 136–139.

17. Anolli L. MaCHT. Miscommunication as Chance Theory: Toward a unitary theory of communication and miscommunication. *Say Not to Say: New perspectives on miscommunication*. Eds. L. Anolli, R. Ciceri, G. Riva. Amsterdam, 2001, pp. 3–43.

18. Hinnenkamp V. Misunderstandings: Interactional structure and strategic resources. *Misunderstandings in Social Life: Discourse approaches to problematic talk*. Eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. London [etc.], 2003, pp. 57–81.

19. House J., Kasper G., Ross S. Misunderstanding talk. *Misunderstandings in Social Life: Discourse approaches to problematic talk*. Eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. London [etc.], 2003, pp. 1–21.

20. Verdonik D. Between understanding and misunderstanding. *Journal of Pragmatics*, 2010, no. 42, pt. 5, pp. 1364–1379.

21. Wu S., Keysar B. The effect of information overlap on communication effectiveness. *Cognitive Science*, 2007, no. 31, pp. 169–181.

22. Clark H. H., Krych M. A. Speaking while monitoring addressees for understanding. *Journal of Memory and Language*, 2004, no. 50, pp. 62–81.

23. Kecskes I. The paradox of communication: Socio-cognitive approach to pragmatics. *Pragmatics and Society*, 2010, no. 1, pt. 1, pp. 50–73.

24. Linell P. *Rethinking Language, Mind and World dialogically: Interactional and contextual theories of human sense making*. Charlotte, NC, 2009. 155 p.

25. Sperber D., Wilson D. Pragmatics, modularity and mind-reading. *Mind & Language*, 2002, no. 17, pt. 1–2, pp. 3–23.

26. Brennan S. E., Schober M. How listeners compensate for disfluencies in spontaneous speech. *Journal of Memory and Language*, 2001, no. 44, pp. 274–296.

27. Ferreira V. S., Slevc L. R., Rogers E. S. How do speakers avoid ambiguous linguistic expressions? *Cognition*, 2005, no. 96, pp. 263–284.

28. Jucker A. H., Smith S. W., Lüdge T. Interactive aspects of vagueness in conversation. *Journal of Pragmatics*, 2003, no. 35, pt. 12, pp. 1737–1769.

29. Berger Ch. R. A tale of two communication modes: When rational and experiential processing systems encounter statistical and anecdotal depictions of threat. *Journal of Language and Social Psychology*, 2007, no. 26, pp. 215–233.

30. Raevaara L. Accounts at convenience stores: Doing dispreference and small talk. *Journal of Pragmatics*, 2010, no. 43, pt. 2, pp. 556–571.

31. Janicki K. Lay people's language problems. *International Journal of Applied Linguistics*, 2010, no. 20, pt. 1, pp. 73–94.

32. Enina L. V. *Sovremennye rossijskie lozungi kak sverkhstekst* [Modern Russian slogans as a supertext. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 1999. 20 p.

33. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvichej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt*

[Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect]. Moscow, 1999. 396 p.

34. Majtinskaya K. E. *Mestoimeniya v yazykakh raznykh sistem* [Pronouns in the languages of different systems]. Moscow, 1969. 307 p.

35. Tsivyan T. V. Oppozitsiya muzhskoj / zhenskij i ee klassifitsiruyushhaya rol' v modeli mira [Opposition male / female and her role in the classifier model of the world]. *Ehtnicheskije stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya: sb. nauch. tr.* [Ethnic stereotypes of male and female behavior: collection of scientific works]. St.-Petersburg, 1991, pp. 77–91.

36. Karasik V. I. Lingvosemioticheskoe modelirovanie tsennostej [Linguosemiotic simulation of values]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2012, no. 1 (39), pp. 43–50.

37. Muskhelishvili N. L., Shrejder Yu. A. Informatsiya i fastsinatsiya v pryamoj i nepryamoj kommunikatsii [Information and fascination in the direct and indirect communication]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [Scientific and technical information]. Ser. 2, 1997, no. 8, pp. 1–7.

38. Wierzbicka A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through the medium of language and pragmatics]. Moscow, 2001. 272 p.

39. Gladkova A. *Russkaya kul'turnaya semantika: ehmotsii, tsennosti, zhiznennye ustanovki* [Russian cultural semantics: emotions, values, attitudes]. Moscow, 2010. 304 p.

40. Arutyunova N. D. Naivnye razmyshleniya o naivnoj kartine yazyka [Naive thinking about the naive picture of language]. *Yazyk o yazyke* [Languages of the language. Ed. by N. D. Arutyunova]. Moscow, 2000, pp. 7–23.

41. Balashova L. V. Verbal'naya kommunikatsiya i ee otrazhenie v idiomatike russkogo yazyka [Verbal communication and its reflection in the idiomatics of Russian]. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya: sb. nauch. tr.* [Direct and indirect communication: collection of scientific works]. Saratov, 2003, pp. 93–108.

42. Balashova L. V. Kontseptualizatsiya rechevoj kommunikatsii vo vneliteraturnykh stratakh (metafora) [The conceptualization of verbal communication in the extraliterary strata (metaphor)]. *Problemy rechevoj kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: collection of scientific works. Ed. by O. B. Sirotinina, M.A. Kormilitsyna]. Iss. 7. Saratov, 2007, pp. 148–164.

43. Balashova L. V. Nominatsii rechevykh zhanrov i ikh komponentov v sovremennom russkom yazyke [Nominations of speech genres and their components in the modern Russian language]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Iss. 6. Saratov, 2009, pp. 59–79.

44. Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushhego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretative approach]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics], 1994, no. 4, pp. 17–33.

45. Kibrik A. A. Kognitivnye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznanija* [Problems of Linguistics], 1994, no. 5, pp. 126–139.
46. Kibrik A. E. Kuda idet sovremennaya lingvistika [Where does the modern linguistics go]. *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy: tez. mezhdunar. konf.* [Linguistics at the end of the twentieth century: results and prospects: proceedings of international conference]. Iss. 1. Moscow, 1995, pp. 217–218.
47. Kubryakova E. S. Nachal'nye ehtapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psikhologiya – kognitivnaya nauka [The initial stages of cognitivism: Linguistics – Psychology – Cognitive science]. *Voprosy yazykoznanija* [Problems of Linguistics], 1994, no. 4, pp. 3–15.
48. Maslennikova A. A. *Skrytye smysly i ikh lingvisticheskaya interpretatsiya* [Hidden meanings and their linguistic interpretation. Dr. philol. sci. thesis diss.]. St.-Petersburg, 1998. 40 p.
49. Rakhilina E. V. Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezul'taty [Cognitive Semantics: the history, personalities, ideas and results]. *Semiotika i informatika: sb. nauch. tr.* [Semiotics and informatics: collection of scientific works]. Iss. 36. Moscow, 1998, pp. 274–323.
50. Gol'din V. E. Kontseptual'nye peremennye obraza mira po dannym assotsiativnykh slovaroj [Conceptual variability of the image of the world according to the associative dictionaries]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Iss. 9 (16). Moscow, 2010, pp. 97–101.
51. Alefirenko N. F. *Lingvokul'turologiya. Tseno-nostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Cultural linguistics. Value-language semantic space]. Moscow, 2010. 224 p.
52. Prikhod'ko A. N. Tipy i klassy kontseptov [The types and classes of concepts]. *Novoe v slavyanskoj filologii: sb. st.* [New in Slavic philology: collection of articles. Ed. M. V. Pimenova]. Sevastopol, 2009, pp. 80–89.
53. Manaenko G. N. Koordinaty ponyatiya «diskurs» [Coordinates of the concept of «discourse»]. *Diskurs, kontsept, zhanr: sb. nauch. st.* [Discourse, concept, genre: collection of scientific articles. Ed. by M. Y. Oleshkov]. Nizhnij Tagil, 2009, pp. 15–35.
54. Slembrouck S. Explanation, interpretation and critique in the analysis of discourse. *Critique of Anthropology*, 2001, vol. 21, no. 1, pp. 33–57.
55. Bucholtz M. Reflexivity and Critique in Discourse Analysis. *Critique of Anthropology*, 2001, vol. 21, no. 2, pp. 165–183.
56. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London, 1983. 250 p.
57. Belozerova E. M. *Diskursivnye svojstva rechevogo akta namekaniya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Discursive properties of the hint speech act (on the basis of the modern German languages). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Khar'kov, 2007. 20 p.
58. Ermakova O. P. Popytka tipologii kosvennykh otvetov [Attempting of typology of indirect responses]. *Russkij yazyk segodnya: sb. dokladov* [Russian language today: collection of scientific reports]. Iss. 5. Moscow, 2012, pp. 156–169.
59. Larina T. V. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsij* [Category of courtesy and style of communication: A comparison of British and Russian linguocultural traditions]. Moscow, 2009. 510 p.
60. Risinzon S. A. *Obshhee i ehtnokul'turnoe v russkom i anglijskom rechevom ehtikete* [General and ethnocultural in Russian and English speech etiquette. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2010. 40 p.
61. Demytyev V. V. Nepryamaya kommunikatsiya i ehtiketnye smysly [Indirect communication and etiquette meanings]. *Problemy rechevoj kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: collection of scientific works. Ed. by O. B. Sirotnina, M. A. Kormilitsyna]. Iss. 5. Saratov, 2005, pp. 196–204.
62. Tannen D. Indirectness at Work. *Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy*. Ed. by J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, NJ, 2000, pp. 189–212.
63. Tannen D. *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. New York, 2007. 352 p.
64. Tannen D. *I Only Say This Because I Love You: Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults*. New York, 2001. 368 p.
65. Tannen D. Abduction and Identity in Family Interaction: Ventriloquizing as Indirectness. *Special issue of Journal of Pragmatics*. Ed. by S. Kiesling, 2009, no. 10 (1016), pp. 50–75.
66. Tannen D. Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style. *Discourse Processes*, 1981, no. 4, pt. 3, pp. 221–238.
67. Tannen D. Introducing Constructed Dialogue in Greek and American Conversational and Literary Narratives. *Direct and Indirect Speech*. Ed. by F. Coulmas. Berlin, 1986, pp. 311–322.
68. Tannen D. *That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships*. New York, 1986. 224 p.
69. Bezuglaya L. R. Implitsitnye smysly v diskurse: kognitivno-kommunikativnyj podkhod [Implicit meanings in the discourse: cognitive-communicative approach]. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* [Cognition, communication, discourse], 2010, no. 1, pp. 5–19.
70. Bezuglaya L. R. Ponyatiya «znachenie» i «smysl» v pragmalingvistike [The concepts of «meaning» and «sense» in pragmalinguistics]. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* [Cognition, communication, discourse], 2012, no. 4, pp. 14–27.
71. Tarasova I. A. *Poeticheskij idiosstil' v kognitivnom aspekte (na materiale poehzii G. Ivanova i I. Anenskogo)* [Poetic idiosstyle in the cognitive aspect (based on poetry by G. Ivanov and I. Anensky). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2004. 40 p.
72. Tataru L. V. *Tochka zreniya i ritm kompozitsii narrativnogo teksta (na materiale proizvedenij Dzh. Dzhosha i V. Vulf)* [Point of view and narrative rhythm

of the composition of the text (based on the works of J. Joyce and V. Wolfe). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2009. 40 p.

73. Ermakova E. V. *Implitsitnost' v khudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoj russkoyazychnoj i angloyazychnoj prozy psikhologicheskogo i fantasticheskogo realizma)* [Implicitity in a literary text (based on modern Russian and English prose fiction and psychological realism). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2010. 40 p.

74. Gogotishvili L. A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow, 2006. 720 p.

75. Kostomarov V. G. *Nash yazyk v dejstvii: Ocherki sovremennoj russkoj stilistiki* [Our language in action: Essays on modern Russian stylistics]. Moscow, 2005. 287 p.

76. Sternin I. A. *Mozhno li uprostit' stilisticheskuyu paradigmu dlya ryadovogo nositelya yazyka?* [Is it possible to simplify the stylistic paradigm for the average native speaker?]. *Yazyk khudozhestvennoj literatury. Literaturnyj yazyk: sb. st.* [Language of literature. Literary language: collection of articles]. Saratov, 2006, pp. 64–81.

77. Karasik V. I. *Kommunikativnaya tonal'nost'* [Communicative Tonicity]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 81–94.

78. Bagdasaryan T. O. *Tonal'nyj komponent modal'nosti v kommunikatsii (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov)* [Tonal component in the communication modality (in the English and Russian language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Krasnodar, 2000. 20 p.

79. Bryzhina T. S. *Parodijnaya tonal'nost': diskursivnyj status i funkcional'nye tipy* [Parody tonality: discursive status and functional types. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2009. 20 p.

80. Mogilevskaya O. A. *Dinamika ideologicheskoy tonal'nosti v rossijskikh i amerikanskikh publitsisticheskikh stat'yakh* [The dynamics of the ideological tonality in the Russian and American journalistic articles. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2011. 20 p.

81. Smirnova M. P. *Famil'yarnaya tonal'nost' v tekstakh tabloidnykh izdaniy* [Tonality of familiarity in the texts of tabloid publications. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2009. 20 p.

82. Tupikova S. E. *Kategoriya tonal'nosti i urovni ee reprezentatsii v zhanre svetskoy khroniki* [Category of tonality and level of its representation in the society column genre]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Problems of cognitive linguistics], 2011, no. 4, pp. 68–73.

83. Sedov K. F. *Diskurs kak suggestiya: Irratsional'noe vozdejstvie v mezhluchnostnom obshhenii* [Discourse as a suggestion: Irrational impact in interpersonal communication]. Moscow, 2011. 336 p.

84. Sheroziya A. E. *Psikhika. Soznanie. Bessoznatel'noe* [The psyche. Consciousness. Unconscious]. Tbilisi, 1979. 172 p.

85. Jacobson R. K. *Yazykovedcheskoj problematike soznaniya i bessoznatel'nosti* [To linguistic problems of

consciousness and unconsciousness]. *Bessoznatel'noe: priroda, funktsii, metody, issledovaniya* [Unconscious: nature, functions, methods, research: in 4 vol. Ed. by A. S. Prangishvili, A. E. Sheroziya, F. B. Bassina]. Vol. III. Tbilisi, 1978, pp. 156–167.

86. Lutovinova O. V. *Yazykovaya lichnost' v virtual'nom diskurse* [Linguistic identity in the virtual discourse. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2013. 40 p.

87. Weiss D. *Deputaty lyubyat tsitata: ssylki na ksenoteksty v Gosdume* [Senators love quotes: references to the State Duma xenotexts]. *Russkij yazyk segodnya: sb. nauch. tr.* [Russian language today: collection of scientific works]. Iss. 5. Moscow, 2012, pp. 64–75.

88. Demytyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, 2006. 376 p.

89. Brinev K. I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ehkspertiza* [Theoretical linguistics and judicial linguistic expertise. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Kemerovo, 2010. 40 p.

90. Sirotnina O. B. *Obshhenie v zone riskov i tendentsiya k diffuznosti znachenij* [Communication in the area of risks and the tendency to diffusivity of meanings]. *Problemy rechevoj kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: collection of scientific works. Ed. by O. B. Sirotnina, M. A. Kormilitsyna]. Iss. 12. Saratov, 2012, pp. 5–13.

91. Sirotnina O. B. *Russkij yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [Russian language: system, language usage and the risks they create]. Saratov, 2013. 116 p.

92. Osetrova E. V. *O «rechevoj zhizni» zhanra: nekotorye nablyudeniya i idei* [On the «Speech Life» of genre: some observations and ideas]. *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost': materially mezhdunar. nauch. konf.* [Communication. Thinking. Personality: proceedings of international scientific conference]. Saratov, 2012, pp. 448–456.

93. Karasik V. I. *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Language crystallization of sense]. Volgograd, 2010. 448 p.

94. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

95. Parshina O. N. *Strategii i taktiki rechevoj povedeniya sovremennoj politicheskoy ehliny Rossii* [Strategies and tactics of verbal behavior of modern Russian political elite. Dr. philol. sci. thesis. diss.]. Saratov, 2005. 40 p.

96. Fenina V. V. *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turakh* [Speech genres 'small talk' and 'svetskaya beseda' in the Anglo-American and Russian cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2005. 20 p.

97. Bul'ina Y. V. *Yazykovaya igra v rechi studentov i prepodavatelej kak sposob sozdaniya smekhovogo prostranstva v obshhenii* [Language game in the speech of students and teachers as a way to create the comic space in dialogue. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2011. 20 p.

98. Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl* [Sound and meaning]. Moscow, 1991. 190 p.

99. Balashova L. V. Politicheskij 2012 god v zerkale kontseptual'noj metafory [Political 2012 in the mirror of conceptual metaphors]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2013, no. 2 (44), pp. 11–22.

100. Klyuev E. V. *Ritorika (Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya)* [Rhetoric (Invention. Disposition. Elocution)]. Moscow, 1999. 110 p.

101. Lyuders T. M., Bartashova O. A. *Small talk for business purposes*. St.-Petersburg, 2009. 38 p.

102. Kupina N. A. Sovetizmy: k opredeleniyu ponyatiya [Sovietisms: to the definition]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2009, no. 2 (28), pp. 35–40.

103. Dementyev V. V. Russkij novoyaz v svete teorii kommunikativnykh tsennostej (na materiale politicheskoy rechi) [Russian Newspeak in the light of the theory of communicative values (on the basis of political speech)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2010, no. 4 (34), pp. 24–40.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике